

Бездушный

Автор:

Л. Дж. Шэн

Бездушный

Л. Дж. Шэн

Freedom. Интернет-бестселлеры Л. Дж. Шэн Святые грешники #1

Эмилия

Говорят, любовь и ненависть – это одно и то же чувство. Лишь обстоятельства определяют, каким оно будет. И это правда. Тот, кого я вижу в своих самых дерзких мечтах, приходит ко мне в кошмарах. Лживый монстр и нежный спаситель. Я сбежала из родного города, чтобы забыть его. Но Вишес нашел меня и теперь не отпустит. Никогда.

Вишес

Она прекрасна и изящна, словно цветок вишни. Юная художница ворвалась в мою реальность без предупреждения и перевернула все вверх дном. И поплатилась за это, когда я разрушил ее жизнь. Я думал, что уничтожил каждую мысль о ней, но ошибся. И теперь Эмилии придется привыкнуть ко мне, ведь я намерен заполучить ее всю.

Л. Дж. Шэн

Бездушный

«Моя любовь к тебе сродни любви к скандалам,

Она цветет украдкой, на границе мрака и души».

Пабло Неруда, «100 сонетов о любви»

Плей-лист:

“Bad Things”—Machine Gun Kelly X Camila Cabello

“With or Without You”—U2

“Unsteady”—X Ambassadors

“Fell In Love With a Girl”—The White Stripes

“Baby It’s You”—Smith

“Nightcall”—Kravinsky

“Last Nite”—The Strokes

“Teardrop”—Massive Attack

“Superstar”—Sonic Youth

“Vienna”—Billy Joel

“Stop Crying Your Heart Out”—Oasis

Посвящается Карен О'Хара и Джозефине Макдоннелл

В Японии цветущие вишни почитаются уже сотни лет. Цветок этого дерева символизирует хрупкость и величие жизни. А еще напоминает о том, как прекрасна и (в большинстве случаев) коротка жизнь.

Как и отношения.

Будьте благоразумными. И прислушивайтесь к собственному сердцу. А когда повстречаете достойного человека, не отпускайте его.

Глава первая

Эмилия

Бабушка однажды сказала мне, что любовь и ненависть – одно и то же чувство. Лишь обстоятельства определяют, каким оно будет.

В них обоих присутствует страх. И боль. И даже то странное ощущение, будто что-то распирает грудь. Я не верила ей, пока не встретила Барон Спенсера, ставшего моим ночным кошмаром.

А затем этот кошмар оказался реальностью.

Мне казалось, я сбежала от него. По собственной глупости поверила, что он забыл о моем существовании.

Но его возвращение в мою жизнь просто выбило почву у меня из-под ног. И я уж точно не ожидала, что за этим событием цепочкой потянутся другие...

Десять лет назад

До этого дня я заходила в особняк всего лишь раз, когда моя семья впервые приехала в городок Тодос-Сантос. Это случилось два месяца назад. И в тот день я как вкопанная стояла на этом же идеальном полу, который никогда не скрипел.

«Ты знаешь, что это самый прочный пол в мире?» – спросила тогда мама, толкнув меня локтем в ребра.

Вот только она забыла упомянуть, что он, вместе со всем домом, принадлежал человеку с самым черствым сердцем на свете.

И я с трудом понимала, почему люди с таким толстым кошельком тратят деньги на такие унылые дома. Тринадцать ванных комнат. Крытый тренажерный зал. Вычурная лестница. А также разнообразные удобства, которые только можно купить за деньги... И все они, за исключением теннисного корта и двадцатиметрового бассейна, оформлены в черном цвете.

Поэтому неудивительно, что стоило только пройти через большие железные двери, как все восхищение сразу улетучивалось. А разглядев холодные, безжизненные цвета и гигантские люстры, свисающие с потолка, невольно закрадывалась мысль, что на роль дизайнера интерьеров они пригласили вампира из Средневековья. Даже пол выкрасили настолько темной краской, что казалось, будто я парила над пропастью и в любую секунду могла провалиться в преисподню.

На троих человек – двое из которых почти никогда не появлялись – в доме насчитывалось десять спален, но Спенсеры поселили нашу семью в квартире для прислуги рядом с гаражом. Она оказалась больше, чем крохотный, обшитый вагонкой домик, который мы арендовали в Ричмонде, в штате Вирджиния, но в первые дни страшно меня раздражала.

Хотя сейчас уже нет.

Все в особняке Спенсеров угнетало. Он выглядел богато, всем своим видом намекая на благополучие владельцев, но при этом во многих отношениях казался скудным, так что мысль о том, что здесь живут несчастливые люди, возникала сама собой.

Я уставилась на свою обувь – белые кеды, на которых мне пришлось нарисовать разные цветы, чтобы хоть как-то скрыть, что это подделка, а не настоящие от «Vans», – и сглотнула, пытаясь поскорее избавиться от чувства собственной ничтожности. Что удивительно, оно появилось еще до того, как он начал унижать меня. До того, как я узнала его.

– Интересно, где он сейчас? – прошептала мама, вырывая меня из мыслей.

Я невольно вздрогнула от эха, отразившегося от голых стен холла. Мама хотела попросить у него деньги на два дня раньше, потому что у моей младшей сестры Розы закончились лекарства.

– Кажется, из той комнаты доносятся голоса. – Она указала на дверь в противоположном конце сводчатого коридора. – Сходи, постучись. А я подожду на кухне.

– Я? Но почему?

– Потому что, – отрезала она и посмотрела так, что я тут же начала испытывать угрызения совести. – Роза больна, а его родители уехали из города. К тому же ты его ровесница и, думаю, вы быстрее найдете общий язык.

Я послушно поплелась вперед – ради Розы, а не мамы, – даже не догадываясь, что меня ждет. А ведь последующие несколько минут повлияли на весь выпускной год и стали причиной того, что в свои восемнадцать мне пришлось расстаться с собственной семьей...

Вишес решил, что я знаю его секрет. Но он ошибался.

Я даже не поняла, о чем он спорил с мужчиной в тот день в той комнате.

Ни единого слова.

Я помню лишь, как дотащилась до темной двери и подняла руку, чтобы постучать, но затем услышала глубокий, скрежещущий мужской голос.

– Ты знаешь правила, Барон, – сказал мужчина, который, судя по всему, был заядлым курильщиком. – Сестра сказала мне, что ты снова достаешь ее, – еле внятно пробурчал он, а затем хлопнул ладонью по твердой поверхности и, повысив голос, продолжил: – Меня достало твое явное неуважение к ней.

– Да пошел ты, – донесся в ответ спокойный голос парня. – И сестру свою прихвати. Ох, постой-ка. Может, поэтому ты здесь, Дэрил? Тоже хочешь залезть к ней под юбку? Позволь обрадовать тебя: она с радостью раздвинет ноги, стоит поманить ее деньгами.

– Ты бы на свою мать посмотрел, маленький выродок. – Раздался шлепок. – Вот у кого нужно поучиться.

На мгновение повисла тишина.

– Скажешь еще хоть слово о моей матери, и у тебя появится реальная причина вставить себе те зубные импланты, о которых ты говорил с отцом. – Голос парня просто сочился ядом, отчего мне показалось, что он не так молод, как говорила мама. – Держись от меня подальше, – предупредил он. – Теперь я в состоянии сделать из тебя отбивную. По правде говоря, меня так и подмывает это сделать. Каждую. Чертову. Минуту. Мне надоело терпеть твое присутствие в моем доме.

– А с чего ты взял, что у тебя есть выбор? – зловеще усмехнулся мужчина.

Его ядовитый голос отзывался в костях, разъедая скелет.

– Разве ты не слышал? – сквозь зубы выдавил парень. – Я люблю драться. И боль. Думаю, так я готовлюсь к моменту, когда убью тебя. А я это сделаю, Дэрил. Можешь не сомневаться.

Я ахнула от шока, а ноги будто приросли к полу, когда за дверью раздался удар, а затем грохот, сопровождающийся падением каких-то предметов, когда один из спорщиков свалился на пол.

Стало понятно, что этот разговор явно не для моих ушей, а значит, пришло время убраться подальше. Но я не успела. Через мгновение дверь передо мной распахнулась, и я уставилась на парня примерно моего возраста. Хотя он казался старше своих лет.

За его спиной, упираясь руками в стол и пытаюсь отдышаться, стоял мужчина. У его ног валялись книги, а губа кровоточила.

Комната оказалась библиотекой с высокими, выстроившимися вдоль стен стеллажами от пола до потолка из орехового дерева, заполненными книгами в твердых переплетах. И на мгновение у меня закололо в груди от осознания, что мне больше никогда не попасть сюда.

– Какого хрена? – вспыхнул парень, сузив глаза.

И под его взглядом я ощутила себя олененком, в которого целятся из винтовки.

Сколько ему? Семнадцать? Восемнадцать? Почему-то факт, что мы оказались примерно одного возраста, лишь усугублял положение. Я наклонила голову, а щеки запылали так сильно, что казалось, все вокруг вот-вот загорится.

– Ты подслушивала? – выдавил он сквозь сжатые челюсти.

Я отчаянно замотала головой, пытаюсь скрыть правду. Но у меня никогда не получалось врать.

– Клянусь, я ничего не слышала, – выпалила я. – Здесь работает мама. И я искала ее.

Еще одна ложь.

Я никогда не считала себя трусливой курицей. И всегда храбро встречала неприятности. Но в тот момент все мое бесстрашие куда-то испарилось. Ведь на самом деле мне вообще не следовало находиться в его доме. И уж тем более подслушивать то, что не было предназначено для моих ушей.

Парень шагнул ближе ко мне. Я отступила на шаг. Его глаза казались безжизненными, но красные пухлые губы выглядели очень даже живыми. «Этот парень с легкостью разобьет мне сердце, если ему это позволить», – раздался в голове мой собственный голос. И эта мысль невероятно удивила меня своей нелепостью. Я никогда раньше не влюблялась, к тому же так сильно нервничала, что даже не разглядела цвет его глаз или прическу, не говоря уже о том, чтобы что-то почувствовать к этому парню.

– Как тебя зовут? – требовательно спросил он.

От парня исходил восхитительный аромат – пряный мальчишеский аромат со сладковатой ноткой пота и кислинкой гормонов, который смешивался с запахом порошка, применяемым мамой для стирки его вещей.

– Эмилия. – Я прочистила горло и протянула ему руку. – Но друзья зовут меня Милли. И вы тоже можете называть меня так.

На его лице не отразилось ни единой эмоции.

– Ты охренительно налажала, Эмилия.

Он растянул мое имя, явно насмехаясь над моим южным акцентом, и проигнорировал протянутую руку.

Я быстро отдернула ее за спину, а щеки залились краской от смущения.

– Выбрала очень хреновое время и очень хреновое место. Если ты еще хоть раз решишь зайти в мой дом, обязательно захвати мешок для трупов – он тебе пригодится, потому что живой ты отсюда не уйдешь.

И парень пронесся мимо, задевая меня своим плечом.

От этих слов у меня перехватило дыхание. Я покосилась на мужчину, и наши взгляды встретились. Он встряхнул головой и ухмыльнулся мне так, что тут же захотелось забиться в уголок или исчезнуть. Кровь капала с его губы на кожаный ботинок, такой же черный, как и его поношенная куртка. Что он вообще делал в этом доме? Почему просто стоял и смотрел на меня, даже не

пытаясь вытереть кровь?

Развернувшись, я побежала по коридору. Желчь, пытавшаяся вырваться наружу, опаляла горло,

Нечего и говорить, что Розе пришлось обходиться без лекарств, а моим родителям заплатили лишь в точно указанный срок.

С того момента прошло два месяца.

Я не собиралась возвращаться сюда, но сегодня у меня не было другого выхода.

Пройдя через кухню и поднявшись по лестнице, я постучалась в дверь спальни Вишеса. Его комната находилась на втором этаже в конце широкого изгибающегося коридора, облицованного, как и лестница, морской галькой, отчего особняк напоминал пещеру.

Я еще ни разу не приближалась к комнате Вишеса и с радостью не делала бы этого впредь. Но к несчастью, пропал мой учебник по алгебре. Не знаю, кому пришла в голову идея взломать мой шкафчик, но этот кто-то выгреб все мои вещи и оставил после себя кучу мусора. Так что стоило мне открыть дверцу, как на меня посыпались пустые банки из-под газировки, грязные салфетки и пустые упаковки от презервативов.

Еще один не особо остроумный, но вполне успешный способ учеников Старшей школы Всех Святых напомнить мне, что я здесь лишь ничтожная служанка. Правда, к этому моменту мне уже так приелись их выходки, что я почти не покраснела. Поэтому, когда все взгляды в коридоре устремились на меня, а воздух наполнили смешки и хихиканья, я вздернула подбородок, развернулась и направилась на следующий урок.

Как бы смешно это ни звучало, но в Старшей школе Всех Святых учились избалованные привилегированные грешники. И если вы не могли нацепить модные тряпки или вести себя как зазнайки, то становились изгоями. Слава богу, Розе удавалось вписаться в эту компанию лучше, чем мне. Но мой южный протяжный акцент и вражда с самым популярным парнем в школе – чертовым Вишесом Спенсером, – который просто не переваривал меня, вообще не оставляли мне шансов.

И все это усугублялось тем, что я и не хотела становиться одной из них. Эти дети не впечатляли меня. Их бы никто не назвал ни добрыми, ни приветливыми, ни уж тем более умными. Так что они не обладали ни одним из тех качеств, которые бы мне хотелось видеть в друзьях.

А еще мне хотелось сбежать из этого места, но это вряд ли получится сделать без учебника.

Я трижды постучала в дверь из красного дерева, ведущую в спальню Вишеса. Теребя нижнюю губу пальцами, я отсчитывала глубокие вдохи, но это никак не помогало успокоить пульсирующую венку на шее.

Пожалуйста, окажись где-нибудь в другом месте...

Пожалуйста, не веди себя как засранец...

Пожалуйста...

Из-за двери донесся приглушенный звук, от которого все тело напряглось в мгновение ока.

Чье-то хихиканье.

А Вишес никогда не хихикал. Черт возьми, он почти не смеялся. И даже улыбка лишь изредка появлялась на его лице. Нет. Этот звук явно издавала девушка.

Тут из-за двери донесся еле слышный шепот, произнесенный его раздражающим голосом, от которого девушка застонала. Мои уши покраснели, и я нервно потерла руки о желтые обрезанные джинсовые шорты, прикрывающие бедра. Из всех вариантов развития событий, которые приходили в мою голову, этот оказался самым худшим.

Вишес в комнате.

Вместе с девушкой.

Которую я возненавидела еще до того, как узнала, кто именно там.

Я и сама не понимала, почему это так разозлило меня. Но главное, он находился в комнате, а мне требовался учебник.

– Вишес? – стараясь, чтобы голос звучал спокойно, позвала я и распрямила плечи, хотя он и не мог меня видеть. – Это Милли. Прости, что прерываю, но мне нужен учебник по алгебре. Мой потерялся, а я не успела подготовиться к завтрашней контрольной, – сказала я и еле слышно добавила: – К которой ты ни в жизнь не станешь готовиться.

Он не ответил, но я услышала резкий вдох девушки, за которым последовал шорох ткани и звук расстегиваемой молнии. В том, что ее именно расстегивали, я даже не сомневалась.

Я зажмурилась и прижалась лбом к его прохладной двери.

Стисни зубы. Проглоти свою гордость. Ведь через несколько лет этот момент станет лишь неприятным, ничего не значащим воспоминанием, как и все, что происходит в этом надменном городишке Тодос-Сантос.

Когда Джозефина Спенсер предложила моим родителям поработать в этом особняке, они с радостью ухватились за этот шанс. А затем протащили нас через всю страну в Калифорнию, потому что здравоохранение здесь считалось лучшим, и жилье предоставлялось бесплатно. С тех пор мама работала кухаркой и экономкой Спенсеров, а папа – садовником и разнорабочим. Предыдущая пара, что работала здесь раньше, уволилась. Я их понимаю. Уверена, моим родителям тоже не нравилось работать здесь. Вот только такие возможности выпадали редко, да и эту они получили лишь потому, что мать Джозефины Спенсер дружила с моей двоюродной бабушкой.

Но я планировала поскорее убраться отсюда. Точнее, как только мне придет подтверждение о зачислении хоть в один из университетов, куда я отправила документы. Но без стипендии мне там будет нечего делать.

А для этого необходимо получать одни пятерки. Вот почему мне так необходимо заполучить учебник.

– Вишес, – выдавила я его дурацкое прозвище. Я знала, что он по каким-то неизвестным мне причинам ненавидит свое имя, и не собиралась злить его сейчас. – Пожалуйста, дай мне учебник, чтобы переписать нужные мне страницы. Я очень быстро верну его тебе.

Я сглотнула комок разочарования, образовавшийся в горле. Мне все еще обидно из-за того, что кто-то – в очередной раз – украл мои вещи, и просьба об одолжении Вишеса может стать последней каплей.

Хихиканье стало громче и визгливее, раздражая слух. А пальцы закололо от желания открыть дверь и наброситься на Вишеса с кулаками.

Вот только прозвучавший следом стон удовольствия немного отрезвил меня, потому что стало ясно – он вызван не тем, что сейчас делала девушка. Просто Вишесу нравилось дразнить меня. С нашей первой встречи у дверей библиотеки два месяца назад он не упускал возможности напомнить мне, что я недостаточно хороша для него.

Для его особняка. Для его школы.

Для его городка.

А знаете, что было самое ужасное в этом? Это не фигура речи. Этот городок действительно принадлежал ему. Барон Спенсер-младший – прозванный Вишесом[1 - С английского языка прозвище главного героя «Vicious» можно перевести как «порочный», «злой», «бездушный».] за его равнодушие и безжалостность, – являлся наследником одного из самых богатых семейств в Калифорнии. Спенсеры владели трубопроводной компанией, а также половиной недвижимости в центре Тодос-Сантоса (включая торговый центр) и тремя бизнес-парками. Так что самомнение Вишеса подогревали деньги, которых хватит еще на десять поколений семьи.

А я не обладала и тысячной долей от этой суммы.

Мои родители работали прислужкой. И нам приходилось считать каждый пенни. Так что я не ожидала, что он меня поймет. Этого никогда не случится с детьми, которые владеют трастовыми фондами. Но меня не покидала надежда, что он хотя бы притворится, как это делали остальные.

Образование имело для меня невероятное значение, и в этот момент казалось, будто меня лишили этого. Потому что богатые детки украли мои вещи.

Потому что этот богатенький сыночек даже не открыл мне двери в свою комнату, чтобы одолжить учебник.

– Вишес! – Меня охватила такая сильная обида, что я хлопнула ладонью по его двери. А затем, не обращая внимания на пульсирующую боль в запястье, продолжила: – Открой же!

Моя решимость стихала, сменяясь желанием развернуться и уйти. Несмотря на то, что пришлось бы садиться на велосипед и ехать на другой конец города, чтобы взять учебник у Сидни. Она была моей единственной подругой в Старшей школе Всех Святых и единственным человеком, который мне нравился во всей параллели.

Но меня остановил злобный смех. Теперь уж точно не оставалось сомнений, что он просто издевался надо мной.

– Мне нравится слушать, как ты умоляешь. Попроси еще, детка, и я, так уж и быть, сжалюсь над тобой, – сказал Вишес.

Но я не собиралась делать это при девушке. Ни за что.

И это стало последней каплей. Я вспылила, хотя понимала, что стоило промолчать. Что так он добился своей цели.

Распахнув дверь, я ворвалась в его комнату. Пальцы так сжимали ручку, что даже побелели костяшки.

Взгляд скользнул по великолепной фреске на стене – с четырьмя белыми лошадьми, скачущими в темноте – и темной мебели, а затем замер на его огромной кровати. Она напоминала большой и высокий трон, возвышающийся посреди комнаты и задрапированный мягким черным атласом. Вишес сидел на краю постели, удерживая на коленях девчонку, с которой мы вместе ходим на физкультуру. Ее звали Джорджия, а ее дедушка и бабушка владели половиной виноградников в Кармел Вэлли. Ее длинные светлые волосы прикрывали одно из

его широких плеч, а загар, полученный на берегах Карибского моря, идеально оттенял бледное лицо Вишеса.

Его темно-синие глаза, казавшиеся почти черными, смотрели на меня, пока он продолжал жадно целовать Джорджию, словно она была самым вкусным из лакомств. Они поймали меня в ловушку, не давая отвести взгляд, поэтому я выгнула бровь, чтобы показать, что мне все равно.

Только это оказалось не так. На самом деле это сильно задевало меня.

Так сильно, что я продолжала бесстыдно пялиться на них. Смотрела, как втягивались его щеки, когда он засовывал свой язык ей в глотку, как искрились от насмешки его глаза, пока он оценивал мою реакцию. И неожиданно я почувствовала, как отзывается мое тело на его чары. Словно меня окутывал сладкий, пряный туман, рожденный его сексуальностью. Мне не хотелось поддаваться Вишесу, но и устоять сил не осталось. Я желала вырваться из его пут, но не смогла бы сделать этого даже ценой собственной жизни.

Но стоило мне опустить взгляд, как на глаза попала его рука, которой он напоказ сжал талию Джорджии. От этого зрелища пальцы сильнее стиснули ручку, в горле образовался ком, а через мгновение я обхватила себя руками поверх белого топа с желтыми подсолнухами.

Что, черт возьми, со мной творилось? Почему его поцелуй с другой девушкой не только выбивал меня из колеи, но и завораживал?

Я желала смотреть на него.

И в то же время мне этого не хотелось.

Но в любом случае он добился своей цели.

Признавая поражение, я моргнула и перевела взгляд на черную кепку с логотипом команды по американскому футболу «Лас-Вегас Рейдерс», которая висела на углу полки, прибитой над его столом.

– Мне нужен твой учебник, Вишес, – повторила я. – Я не выйду из этой комнаты без него.

– Пошла вон, Служанка, – сказал он, едва оторвавшись от хихикающей Джорджии.

Ревность пронзила сердце и заполнила грудь. Такой реакции своего тела я совершенно не ожидала. Боль. Позор. Вожделение. Я ненавидела Вишеса. Он был жестоким, бессердечным, до краев наполненным ненавистью. Говорили, что его мать умерла, когда ему было всего девять, но сейчас ему восемнадцать, и у него появилась прекрасная мачеха, которая позволяла ему делать все, что заблагорассудится. Джозефина казалась милой и заботливой.

Так что у меня не получалось найти причины его жестокого поведения со всеми. И особенно со мной.

– Нет. – Несмотря на бушующую внутри ярость, я старалась сохранять видимую невозмутимость. – Мне. Нужен. Учебник, – медленно произнесла я, словно говорила с идиотом. – Просто скажи мне, где его взять. И я оставлю его у дверей, когда закончу. Это самый простой способ избавиться от меня и вернуться к своим... занятиям.

Джорджия, возившаяся с его молнией, зарычала и на мгновение отстранилась от Вишеса. Кажется, девушку совершенно не смущало, что он уже успел расстегнуть ее белое платье-футляр на спине.

– Ты серьезно, Минди? – закатив глаза и неодобрительно надув губы, спросила она, хотя прекрасно знала, что меня зовут Милли. – Тебе что, больше нечем заняться? Он же совершенно не в твоей лиге!

Несколько секунд Вишес рассматривал меня с нахальной улыбкой на лице. К сожалению, даже сейчас любой бы назвал его красивым. Черные блестящие волосы венчала модная стрижка с выбритыми висками и длинными прядями на затылке. Сверкающие бесчувственные глаза цвета индиго пытались затянуть в свои глубины. И я не знала, как сопротивляться им. А кожа казалась такой бледной, что невольно возникало сравнение с пугающим приведением.

Как художница, я частенько засматривалась на Вишеса, любуясь его чертами. Его скулами и острым изгибом подбородка, соединенными плавными линиями. Но при этом четкими и выделяющимися. Он был рожден, чтобы его рисовали. Настоящий шедевр природы.

И Джорджия тоже это понимала. Несколько дней назад в раздевалке после физкультуры она обсуждала Вишеса со своими подругами. Одна из них тогда назвала его красивым парнем, Джорджия поправила: «Но за красивым лицом скрывается уродливый человек». Обе рассмеялись.

«Но кого это волнует? – через минуту продолжила ее подруга. – Я бы точно закрыла на это глаза».

И что самое ужасное, я не могла винить их за это.

Вишес был успешным и неприлично богатым парнем, который одевался с иголки и знал, как себя лучше подать. Безупречный кумир школы Всех Святых. Он водил «Мерседес» – автомобиль, о котором мечтали все, и обладал загадочной аурой настоящего вожака. Его всегда окружала компания. Даже если он не произносил ни слова.

Изобразив скуку на лице, я скрестила руки на груди и прислонилась бедром к дверному косяку. Но взгляд устремился к окну, потому что я понимала: стоит мне посмотреть на Вишеса или Джорджию, как на глаза навернутся слезы.

– Не в моей «лиге»? – усмехнулась я. – Да я даже не играю в ваши грязные игры.

– Но станешь, как только я надавлю на тебя достаточно сильно, – равнодушно и совершенно спокойно произнес Вишес.

Вот только его голос отозвался во мне так, будто он вырвал мои кишки и бросил их на идеальный деревянный пол.

– Дай мне учебник! – медленно моргнув и старательно сохраняя безразличный вид, повторила я в двухсотый раз.

По всей видимости, Вишес решил, что с меня достаточно на сегодня мучений, потому что склонил голову и указал подбородком на рюкзак, валяющийся под столом. Расположенное над ним окно выходило на квартиру прислуги и непосредственно на мою спальню. За прожитое в этих стенах время я дважды замечала, как он пристально смотрел на мое окно, и мне всегда было интересно, почему он это делал.

Почему, почему, почему?

Он же так сильно ненавидел меня. А его пристальный взгляд словно обжигал мое лицо, когда он смотрел на меня, что случалось не так уж часто, как мне бы хотелось. Но я старалась оставаться разумной и пресекать подобные желания.

Подойдя к прорезиненному рюкзаку от «Givenchy», который он таскал в школу, я открыла его и принялась перебирать его вещи. К счастью, я стояла к ним спиной и мне удавалось не обращать внимания на их стоны и поцелуи.

Но стоило мне коснуться знакомой бело-голубой обложки, как меня сковало оцепенение. Взгляд скользнул по цветку сакуры, который я нарисовала на корешке, а ярость расползалась по позвоночнику и венам, вынуждая сжимать и разжимать кулаки. Кровь пульсировала в ушах, дыхание сбилось.

Это Вишес вломился в мой чертов шкафчик!

Дрожащими руками я вытащила свой учебник из его рюкзака.

– Ты украл мой учебник?

Я повернулась к нему, чувствуя, что на лице напряглась каждая мышца.

Это была нападка. Тупая агрессия. Вишес постоянно насмехался надо мной, но никогда не унижал меня прежде. А сегодня, черт побери, украл мои вещи и набил мой шкафчик использованными салфетками и презервативами.

Наши взгляды встретились и сцепились друг с другом. Он скинул Джорджию с колен, словно она всего лишь надоедливый щенок, с которым ему расхотелось играть, а затем встал. Я шагнула к нему, и теперь нас разделяло с десятков

сантиметров.

– Почему ты так со мной поступаешь? – прошипела я, вглядываясь в ничего не выражающее застывшее лицо.

– Потому что могу, – ухмыльнулся он, но я заметила вспышку боли в его глазах.

Что же тебя гложет, Барон Спенсер?

– И потому что это весело, – добавил он и усмехнулся.

Даже не взглянув на Джорджию, он бросил ей пиджак и махнул рукой, чтобы она удалилась.

Девушка оказалась лишь реквизитом для его представления. Средством для достижения цели.

Вишес хотел причинить мне боль. И ему это удалось.

Меня не должно заботить, почему он так поступил. Это не имело никакого значения. Ведь главное оставалось неизменным – я его ненавидела. Ненавидела до тошноты и при этом не могла отвести от него взгляда. Ненавидела свою поверхностность и безрассудство и при этом любовалась тем, как он сводил свои квадратные челюсти, желая скрыть улыбку. Ненавидела себя за то, что заслушивалась его умными и сообразительными ответами, которые он давал на уроках. Ненавидела его за циничный реализм, потому что сама оставалась безнадежной идеалисткой, но при этом мне нравились все его размышления, которыми он делился с другими. Ненавидела, что хотя бы раз за неделю мое сердце воспаряло в груди, когда в голове возникала мысль, что он мог оказаться моим единственным.

Я ненавидела Вишеса и не сомневалась, что он ненавидит меня в ответ.

Ненавидела его и еще больше терпеть не могла Джорджию, потому что именно ее он целовал несколько минут назад.

Прекрасно понимая, что не стоит спорить с ним – ведь здесь работали мои родители, – я прикусила язык и бросилась к двери. Но стоило мне добраться до порога, как его мозолистая рука обхватила мой локоть, отчего я развернулась на месте и впечаталась в его стальную грудь, а с губ сорвался всхлип.

– Что ж ты молчишь, Служанка? – прорычал он мне в лицо, раздувая ноздри, как дикий зверь. Его губы находились так близко – невероятно близко – и все еще выглядели припухшими от поцелуя с другой, ярко выделяясь на фоне бледной кожи. – Неужели не хочешь хоть один чертов раз дать мне отпор?

Я отшатнулась от него, прижимая учебник к груди, словно щит. А затем вылетела из комнаты и не останавливалась, пока не добралась до выделенной нам квартиры. Перешагнув порог, я бросилась в свою комнату, заперла двери и тяжело рухнула на кровать.

Но не плакала. Он не стоил моих слез. Но я чувствовала злость, обиду и, что таить, легкое отчаяние.

В его комнате зазвучала музыка, которая с каждой секундой становилась все громче, пока он выкручивал уровень до максимума. И мне потребовалось всего несколько мгновений, чтобы узнать песню. «Stop crying your heart out» группы Oasis.

Через несколько минут грохот музыки заглушил рев двигателя красного «Камаро» Джорджии на автоматической коробке передач, – из-за которого над ней все смеялись, потому что только полная идиотка может купить «Камаро» на автоматической коробке передач, – пронесшегося по засаженной деревьями подъездной дорожке поместья. Она тоже разозлилась.

Вишес был порочным. Но к сожалению, мою ненависть к нему сдерживала тонкая стена, вызванная каким-то странным чувством, напоминающим... любовь. Но я пообещала себе, что обязательно снесу ее и выпущу на свободу свое искреннее отвращение, чтобы он не смог заполучить меня. Пообещала себе, что ни за что не позволю ему сломить меня.

Глава вторая

Вишес

Десять лет назад

Вокруг царило привычное дерьмо, часто происходившее в моем доме на выходных. Я устроил очередную вечеринку, но даже не потрудился выйти из игровой комнаты, чтобы пообщаться с придурками, которых сам же и пригласил.

Но я представлял, какой бардак творился за пределами комнаты. В бассейне в форме фасолины, находящемся позади дома, плескались и визжали девчонки. Даже сюда доносилось журчание воды, льющейся из арок в греческом стиле и создающей искусственные водопады, а также шлепки от соприкосновения влажной голой кожи с надувными матрасами. А еще стоны парочек, трахающихся в соседних комнатах. И грязные сплетни развалившихся на плюшевых диванах и софах на первом этаже.

Воздух сотрясала музыка группы Limp Bizkit. И у кого только хватило смелости включить это убогое дерьмо на моей вечеринке?

Я мог бы расслышать не только это, если бы захотел, но даже не пытался. Развалившись в кресле перед телевизором с широко расставленными ногами, я курил и смотрел какое-то японское аниме-порно.

Рядом на столике стояло пиво, но мне не хотелось алкоголя.

А передо мной на коленях сидела цыпочка и поглаживала мои бедра, но и она не вызвала желания к ней прикоснуться.

– Вишес, – медленно приближаясь ладонями к моему паху, промурлыкала она, а затем поднялась на ноги и уселась на мои колени.

Загорелая безымянная брюнетка в платье, так и говорившем: «Трахни меня». Кажется, ее звали Алисия. Или Лучия. И прошлой весной она пыталась попасть в команду группы поддержки. Но ее не взяли. Так что, думаю, она пришла на вечеринку в поисках популярности. Ведь стоит ей перепихнуться со мной или с кем-то из парней, находящихся в этой комнате, и в понедельник в школе ее имя

будут обсуждать на каждом углу.

И именно по этой причине она не вызывала у меня интереса.

– У тебя такая крутая игровая комната. Но может, отправимся туда, где потише?

Я стряхнул пепел в пепельницу на подлокотнике моего кресла.

– Нет, – выдавил я сквозь стиснутые зубы.

– Но ты мне так нравишься.

Чушь. Я никому не нравился, и не без причин.

– Меня не интересуют отношения с кем-либо, – не задумываясь выдал я.

– Еще бы. И я знаю это, глупый. А еще считаю, что нет ничего плохого в том, чтобы немного развлечься.

Она засмеялась, старательно изображая легкомысленность, но я возненавидел ее за это еще сильнее.

Хотя слово «самоуважение» уже давно исчезло из моего лексикона.

Сузив глаза, я несколько секунд обдумывал ее предложение. Конечно, я бы мог позволить ей отсосать мне, но понимал, что не стоило верить ее показному безразличию. Они все хотели отхватить кусок пожирнее.

– Тебе следует убраться отсюда подальше, – предупредил я в первый и последний раз.

Я не был ее отцом, так что не собирался рассказывать ей, что не стоит тусоваться с такими парнями, как я.

Алисия (или Лучия?) надула губы и, обхватив руками мою шею, заскользила попой по моим бедрам. Ее выставленная напоказ ложбинка между грудей

прижалась к моей груди, а в глазах полыхала решимость.

– Я не уйду отсюда без одного из Хулиганов.

Я выгнул бровь и выдохнул дым через нос, а затем прикрыл глаза, чтобы скрыть охватившую меня скуку.

– Тогда тебе лучше подойти к Тренту или Дину, потому что я не стану трахать тебя сегодня, милая.

Видимо, наконец поняв намек, Алисия (или Лучия?) отстранилась. И через секунду уже направлялась к бару с широкой улыбкой на лице, которая искажалась с каждым шагом на высоченных каблуках. Затем она приготовила себе какую-то бурду, даже не взглянув, что наливает в высокий стакан. Но эта неудача не утихомирила ее пыл, судя по горящему взгляду, которым она осматривала комнату, пытаясь понять, кто из моих друзей – а нас называли Четверкой Хулиганов из Школы Всех Святых – станет ее счастливым билетом к популярности.

Трент развалился на диване, стоящем справа от меня, пока какая-то незнакомая цыпочка терлась о его член. Ее рубашка скрутилась на талии, а голые сиськи подпрыгивали в такт движениям, что выглядело немного комично. Но Трент явно скучал с ней, поэтому потягивал пиво и копался в телефоне. Дин и Джейми расположились на диване напротив и обсуждали предстоящий футбольный матч. И ни один из них не обращал внимания на девушек, которых мы пригласили в комнату.

От Джейми я другого и не ожидал. Он уже давно сохнет по нашей училке английского, мисс Грин. Я не одобрял его нового странного увлечения, но никогда бы не стал даже заикаться об этом. Но что творилось с Дином? Я не понимал причин его поведения. Почему он не хватает девчонок за задницы и не ведет себя как обычно?

– Дин, чувак, где твоя киска на ночь? – озвучил Трент мои мысли, водя большим пальцем по колесу на своем «iPod» и прокручивая плей-лист.

Его явно не особо интересовала цыпочка, которую он обрабатывал.

Прежде чем Дин успел что-то сказать в ответ, Трент спихнул девушку с колен, отчего она рухнула на диван, и погладил ее по голове. Ее рот открылся – то ли от удовольствия, то ли от удивления.

– Прости. У меня сегодня не тот настрой. Думаю, это из-за гипса.

Он улыбнулся растерянной цыпочке и указал бутылкой на свою сломанную лодыжку.

Из нас четверых Трент был самым милым.

И это многое говорит о Хулиганах.

Но вся ирония заключалась в том, что сегодня у Трента действительно была причина злиться. Он находился в полной заднице и понимал это. Без американского футбола ему не получить полную стипендию в колледже. Его оценки едва поднимались выше тройки, а у родителей не хватало денег даже заплатить за квартиру, что уж говорить о его образовании. Так что вполне возможно, что ему теперь придется остаться в Южной Калифорнии, если повезет, устроиться на работу в какой-нибудь офис и жить в каких-нибудь трущобах, что особенно печально после четырех проведенных лет с нами, богатыми детками Тодос-Сантоса.

– У меня все в порядке, приятель. – На лице Дина появилась легкомысленная улыбка, но непрерывное постукивание ногой по полу портило все впечатление. – Не переживай за меня. Ты вообще меня слушаешь? – Дин нервно усмехнулся и выпрямился.

В этот момент у меня за спиной открылась дверь. Кто бы ни вошел в комнату, он даже не постучался. Хотя все знали, что вход сюда воспрещен. Здесь тусовались только Хулиганы. Это незыблемое правило. И если вас не приглашали, то не следовало даже к двери подходить.

Девушки, как по команде, повернулись к двери, но я продолжал курить и косился на Алисию (или Лучию?), которая все так же стояла у бара. Мне хотелось свежего пива, но я не горел желанием вновь разговаривать с ней.

– Ох, привет.

Дин помахал рукой пришедшему человеку и, клянусь, все его бестолковое тело засветилось от удовольствия.

Джейми коротко кивнул, но при этом напрягся и бросил на меня взгляд, только я уже слишком напился, чтобы расшифровать его значение. А Трент лишь повернул голову, но все же проворчал приветствие.

– Кто бы ни заявился сюда, надеюсь, она притащила гребаную пиццу, а ее киска из золота, иначе я самолично выкину ее отсюда, – процедил я сквозь зубы и наконец оглянулся через плечо.

– Всем привет.

От звука ее голоса в груди что-то откликнулось. Эмилия. Дочь прислуги. Что она здесь делает? Она никогда не выходила из их квартиры во время моих вечеринок. К тому же она даже не смотрела в мою сторону с того момента, как выскочила из моей комнаты на прошлой неделе, прижимая к груди учебник по алгебре.

– Кто разрешил тебе прийти сюда, Служанка?

Я повернулся к ней лицом и, затянувшись, выпустил в воздух облако горького дыма.

Ее глаза цвета лазури скользнули по мне, а затем остановились на ком-то за моей спиной. И на ее лице появилась робкая улыбка. На мгновение шум вечеринки затих, а мир будто сузился до размеров ее лица.

– Привет, Дин, – сказала она и опустила взгляд на свои кеды.

Ее длинные, карамельного цвета волосы, заплетенные в косу, покоились за спиной. Она надела широкие джинсы с футболкой с изображением мультяшной Дарьи[2 - Американский мультсериал про зануду и отличницу Дарью, которая живет в провинциальном американском городке.], которые совершенно не сочетались с оранжевым шерстяным кардиганом. Она одевалась как ребенок, а

на тыльной стороне руки все еще красовались цветы сакуры, которые Служанка нарисовала на уроке английской литературы. Так почему, черт возьми, она казалась мне невероятно возбуждающей? Я и сам не понимал этого. И все так же ненавидел ее. Но мой член каменел от того, что она старалась выглядеть несексуально, при этом все еще оставаясь сексуальной.

Я перевел взгляд на Дина. На его лице сияла ответная улыбка. Глупая улыбка, просто умолявшая меня врезать ему по зубам.

Какого хрена?

– Вы что, трахаетесь? – щелкнув жвачкой и взъерошив кулаком свои длинные светлые волосы, как у серферов, озвучил Джейми вопрос, который я бы никогда не осмелился задать.

Его не интересовал ответ, но он знал, что его захочу узнать я.

– Боже, чувак. – Дин поднялся на ноги и дал подзатыльник Джейми, притворяясь порядочным парнем.

Вот только он никогда им не был, уж я-то точно это знал. Дин переспал со столькими девушками на диване, на котором сидел, что в его обивке навсегда отпечатались его ДНК. Мы не вели себя как порядочные парни. Мы вообще не знали значения этих слов. Черт, мы даже не скрывали этого. И, не считая Джейми, который постоянно болтает и строит козни, как коварная восьмиклассница из группы поддержки, о том, как затащить в постель мисс Грин, мы не придерживаемся моногамии.

Из-за этого – и только этого – мне так не понравилась мысль о Дине и Служанке. Мне и без них хватало драм в жизни. И мне не хотелось, чтобы ее сердце разбилось в моем доме. Разлетелось на тысячи осколков на моем полу. К тому же, как бы сильно я ни ненавидел Служанку... вряд ли бы она нас рассорила. Она была обычной деревенской девчонкой из Вирджинии с широкой улыбкой и раздражающим акцентом.

А ее характер напоминал чертову попсовую песню. Такой же легкий и принужденный. Да ведь она даже улыбнулась мне, когда увидела, что я пялюсь в окно ее спальни, словно пыталась понравиться мне.

Есть ли предел человеческой тупости?

Она не виновата, что я ее возненавидел. За то, что подслушала наш разговор с Дэрилом несколько недель назад. За то, что выглядела и говорила в точности как Джо, моя мачеха.

– Я так рад, что у тебя получилось вырваться. Прости, что пришлось подниматься сюда. Я не заметил, что опоздал. И здесь не место для леди, – пошутил Дин и, подхватив пиджак с подлокотника черного кожаного дивана, направился к двери.

Он закинул руку ей на плечо, и у меня дернулось веко.

Он убрал прядь волос ей за ухо, и я стиснул зубы.

– Надеюсь, ты голодна. Я знаю очень хорошее местечко на пристани, где вкусно готовят морепродукты.

– Конечно, – усмехнулась она. – Я только «за».

Дин рассмеялся, вызывая у меня недовольное рычание, а затем они ушли.

Они, черт побери, ушли.

Я засунул сигарету в рот и вновь повернулся к телевизору. В комнате воцарилась тишина, а все уставились на меня в ожидании моей реакции. Какого хрена это так задело меня?

– Эй, ты. – Я ткнул в девушку, которую только что оттолкнул Трент. Она в это время поправляла волосы перед зеркалом, стоящим неподалеку от моей игровой приставки. – Иди сюда и прихвати свою подружку, – похлопав по коленям, приказал я и стрельнул взглядом в Алисию (или Лучию?), которую отшил всего минуту назад.

Хорошо, что она решила задержаться.

Хихикая, они расположились на моих коленях. Я сделал затяжку и, притянув к себе первую девушку за волосы, прижался губами к ее губам, а затем выдохнул, выпуская дым ей в рот. Она тут же восторженно застонала в ответ.

– Поделись с подругой. – Я провел пальцем по ее переносице, смотря на нее сквозь полуопущенные ресницы.

Она улыбнулась мне, а затем поцеловала девушку, сидевшую на втором колене, выпуская струю дыма ей в рот.

Но Трент и Джейми смотрели только на меня.

– Думаю, они просто трахаются, – потирая рукой бритую голову, предположил Трент. – Хотя я даже не догадывался об этом дерьме, несмотря на то, что Дин умеет хранить секреты так же, как я держать ширинку застегнутой на вечеринке в стиле «Плейбой».

– Ага, – поддакнул Джейми. – Это же Дин, чувак. Он никогда не заводил серьезных отношений с девушкой. Да он вообще ни к чему не относится серьезно. – Он встал и натянул на плечи темно-синюю спортивную куртку. – Ну, мне пора идти.

Ага, чтобы притворяться неудачником на сайте знакомств или всю ночь напролет заниматься сексом с мисс Грин. Клянусь, если бы я не видел в раздевалке, что у этого парня есть член, то предположил бы, что в его штанах прячется киска.

– Послушай, не придумывай лишнего, – добавил он. – Ни за что не поверю, что Дин решил привязаться к одной юбке. Он собирался поступать в колледж в Нью-Йорке. А ты останешься здесь с ней. Ее ведь так никуда и не приняли, верно?

Верно.

Вдобавок ко всему Служанка нуждалась еще и в стипендии. А в том, что ей нигде не улыбнулась удача, я не сомневался, потому что ее письма клали в наш почтовый ящик. Так что я, не стесняясь, просматривал ее конверты, чтобы знать, куда планировала отправиться Эмилия ЛеБлан. И к ее большому разочарованию,

ее пока так никуда и не пригласили.

Я же собирался учиться в дерьмовом колледже в Лос-Анджелесе в паре часов езды отсюда. А она останется здесь. И каждые выходные, когда я буду приезжать сюда, она все еще будет здесь. Угождать мне.

Прислуживать мне.

Завидовать мне.

Она так ничего и не добьется. Не получит образования и возможностей улучшить свою жизнь. Так и будет принадлежать мне.

– Да мне насрать на это, – усмехнулся я, а затем схватил обеих девушек за задницы и, сжав их округлые формы, придвинул поближе друг к другу. – Полизите друг другу сиськи за меня.

Мой голос прозвучал равнодушно, но они послушно принялись выполнять мои указания. Девушки даже не подумали возразить мне, и это так чертовски угнетало.

– На чем мы остановились? – спросил я у друзей.

Девушки страстно набросились друг на друга, как две собаки, сражающиеся за собственные жизни в подпольных боях. Они хотели привлечь этим мое внимание, но при этом не уделяли его мне, и, естественно, мне не стало обидно.

– Судя по всему, на отрицании. – Джеймс покачал головой и направился к двери, перед выходом сжав плечо Трента. – Проследи, чтобы девочки не наделали глупостей.

– Таких, как творит он? – Трент указал на меня большим пальцем.

Я посмотрел на него и прищурился. Но его явно не встревожил мой взгляд. Еще бы, он же вырос в трущобах. Его ничего не пугало и уж тем более моя богатая бледная задница.

Но я чувствовал, как внутри закипала ярость. И она грозила вырваться наружу. Они не сомневались, что хорошо знали меня. Так же, как я не сомневался, что хочу Эмилию ЛеБлан.

– На хрен все. Я хочу поплавать.

Я вскочил на ноги, отчего девушки повалились на подлокотники кресла.

– Какого черта? – вспылила одна из них, а вторая лишь протестующе заскулила.

– Отстойная дурь, – выпалил я наспех придуманное объяснение своей выходке.

– Бывает, – ответила девушка, еще пару минут назад трахавшаяся с Трентом, и понимающе улыбнулась.

На мгновение мне захотелось выбить все дерьмо из их отцов так же сильно, как и из Дэрила. Потому что доступность их кисок вызывала лишь отвращение.

– Ты мне позвонишь? – потянув меня за рубашку, спросила Алисия (или Лучия?).

В ее глазах засияла надежда, когда я обвел ее взглядом с ног до головы. Она выглядела неплохо, хотя явно считала себя как минимум красивой. С другой стороны, она так жаждала угодить мне, что, вероятно, не самый худший вариант.

К тому же я предупреждал ее.

И она не стала меня слушать. А меня уж точно не назовешь порядочным парнем.

– Запиши свой номер в телефон Трента, – бросил я, а затем развернулся и вышел из комнаты.

В коридоре люди расступались передо мной, прижимаясь к стенам, улыбаясь мне и поднимая красные стаканчики фирмы «Соло» в знак приветствия. Они пресмыкались передо мной, будто я был гребаным папой Римским. Хотя для них именно им я и был. И они находились в моем королевстве. Люди тянулись к подобным порокам. В этом вся прелесть Калифорнии, и именно поэтому я

никогда не уеду отсюда. Мне нравилось все, что другие ненавидели в здешней жизни. Ложь, притворство, фальшь и деньги. Нравилось, что людей заботило то, что у тебя в кармане, а не в твоей чертовой душе. Нравилось, что они восхищались дорогими тачками и низкопробным остроумием. Проклятье, мне даже нравились землетрясения и овощные коктейли. Люди, которых я ненавидел, были моим домом. А это место – моей детской площадкой.

Из каждого угла коридора доносились шепотки. Обычно я не достаивал этих людей своим присутствием, а если и решался, то только по одной причине. А значит, представление им обеспечено. И от понимания этого воздух наполнился возбуждением.

Песня группы The White Stripes «Fell in love with a girl» отражалась от темных стен.

Я ни с кем не встречался взглядом, а просто смотрел вперед, шагая сквозь толпу, пока не добрался до подвальной комнаты под кухней. Зайдя внутрь, я закрыл за собой дверь. Здесь царили тишина и темнота, как и внутри меня. Я прижался спиной к двери и, зажмурившись, сделал глубокий вдох.

Черт, дурь, которую притащил Дин, оказалась очень забористой. И я немного приукрасил, когда заявил, что она дерьмовая.

Пройдя внутрь комнаты, я мысленно оградился от всего мира. От Дэрила Райкера. От Дэрила. И даже от людей, которые казались не такими уж и порочными, вроде Эмили и моего отца. Пальцы заскользили по оружию, прикрепленному к стене, которое я собирал несколько лет. Лом, кинжал, бейсбольная бита, кожаный хлыст. На мгновение в голове мелькнула мысль, что когда-нибудь (оставалось надеяться, что как можно скорее) наступит момент, и я смогу отказаться от своей коллекции, которой так никогда и не воспользовался, но которая дарила мне чувство безопасности. Ведь теперь Дэрил не рискнет связываться со мной.

Мне хотелось затеять драку. Хотелось ощутить взрывы боли, порожденные сильными ударами. Проще говоря, мне хотелось ввязаться в неприятности.

Так что я поднялся из подвала, вышел на задний двор и, сжимая кулаки, остановился у края бассейна, освещаемого лунным светом. В прозрачной воде

плескалось множество людей в плавках и дизайнерских купальниках. Я обвел их взглядом, выискивая Дина. Именно с ним мне хотелось подраться. Хотелось разбить его самодовольное лицо. Но я знал, что он уехал со Служанкой, к тому же мы придерживались правил. И даже я не мог их нарушить. Когда я появился у бассейна с закатанными до локтей рукавами, то дал понять всем, что готов сразиться с любым. Но при этом не могу выбрать противника сам. Они должны согласиться на драку добровольно. Именно таких правил мы придерживались в Школе Всех Святых, когда не знали, как убить время, и решали пощекотать себе нервы игрой в «Вызов».

«Вызов» равнялся справедливости, при этом оставаясь жестоким.

Но самое главное – «Вызов» притуплял терзающие меня мысли и прекрасно объяснял наличие шрамов на моей коже.

Я не удивился, услышав глухой стук гипса Трента у меня за спиной. Он знал, в каком я раздрае, и не собирался позволять мне испортить вечер.

– Скажи Дину, чтобы он бросил эту телку, или это сделаю я, – сказал Трент.

Я усмехнулся и покачал головой.

– Он может делать все, что пожелает. И если ему хочется трахнуть эту деревенщину, то пусть потом не удивляется, что я устрою ему похороны.

– Вишес, – предупреждающе сказал Трент.

Я обернулся и вызывающе посмотрел на него. Его гладкая кожа цвета мокко сияла в лунном свете, и во мне вновь вспыхнула ненависть из-за того, с какой беспечностью он наслаждается противоположным полом. Хреновы случайные перепихоны надоедали слишком быстро. А ведь мне еще не исполнилось и восемнадцати.

– Из-за этой цыпочки мы все окажемся по уши в дерьме, – сказал он, снимая рубашку и оголяя свой огромный мускулистый торс.

Трент был крупным ублюдком.

Я не стал снимать рубашку. Люди с жадностью пялились на нас, но меня никогда не заботили эти придурки. Их волновали лишь зрелища, которые скрашивали их бессмысленное существование и давали пищу для разговоров. И я был только рад помочь им с этим.

– Ох, ты переживаешь за меня. Я чертовски тронут, Ти-Рекс, – ответил я с фальшивой улыбкой, склонив голову набок и прижав кулак к левой стороне груди поверх черной футболки.

Джорджия и ее пустоголовые подружки пристально смотрели на нас, ожидая, пока монстр, живущий во мне, вырвется на свободу и набросится на одного из моих лучших друзей. Я прошел мимо Трента, намеренно задев его плечом, и направился к теннисному корту, на котором мы обычно дрались по очереди. Там могли разместиться и наш импровизированный октагон, и толпа зрителей.

– Заканчивай со всем этим дерьмом, Трент Рексрот, – прорычал я, пытаюсь успокоиться и напомнить себе, что Трент и Джейми правы.

Служанка для Дина – всего лишь интрижка. И к концу месяца они расстанутся. Он бросит ее – надеюсь, так и не лишив ее девственности – обиженной, разозленной и жаждущей мести.

И тогда я нанесу свой удар.

Покажу ей, что она всего лишь моя собственность.

– Давай же, Ти, тащи свою побитую задницу на теннисный корт. И постарайся не испачкать кровью мою гребаную траву после того, как я разделаюсь с тобой.

Глава третья

Эмилия

Настоящее время

– Смотри куда едешь, болван! – крикнула я, замирая на перекрестке у модного офисного здания в Верхнем Ист-Сайде.

Грязное пятно на моем платье в полоску с завышенной талией с крошечными улыбающимися рожицами расползлось все больше и больше. Я зажала мобильник между ухом и плечом, сдерживая рвущийся из горла крик. Я промокла, проголодалась, устала и отчаянно желала, чтобы зеленый загорелся как можно быстрее. Вдобавок ко всему я опаздывала на смену в баре «У МакКоя». Рев машин, наводнивших улицы, как это всегда случалось по вечерам пятницы, заполнил уши. Проблема с пешеходными переходами в Нью-Йорке заключалась в том, что водители не собирались уступать и с радостью могли переехать тебя при необходимости.

Или облить из лужи.

– Какого черта произошло, Милли? – донесся из телефона хриплый голос Розы, который тут же сменился кашлем.

Она разговаривала как собака-астматик. И целый день провела в постели.

Я бы позавидовала ей, не знай реального положения дел.

– Таксист облил меня из лужи, – объяснила я.

– Не нервничай, – попыталась меня успокоить она, а затем послышался шорох простыней и ее тихие стоны, пока сестра устраивалась поудобнее на кровати. – Повтори еще раз, что они сказали.

На светофоре загорелся зеленый, и нью-йоркские пешеходы, которые больше напоминали стадо животных, уволокли меня на другую сторону, где пришлось пригибать голову из-за строительных лесов. Ноги ныли от боли из-за высоких каблуков, когда я бежала мимо лотков с едой и мужчин в пальто, молясь, чтобы на кухне не закончилась еда для персонала и я успела что-нибудь перекусить перед работой.

– Они сказали, что хоть им и нравилось, что я проявляю интерес к рекламному миру, мне платили за приготовление кофе и подготовку документов, а не за

высказывание предложений во время мозговых штурмов и рассказ о моих идеях во время обеденных перерывов. Еще они добавили, что я слишком квалифицирована, чтобы работать простым помощником, но у них сейчас нет вакансии на должность художника-стажера. А еще они стараются убрать «все лишнее», чтобы оставаться в прибыли. Так что я как раз оказалась для них этим «лишним». – Я не удержалась от горькой усмешки, потому что сейчас на мне вряд ли бы кто-нибудь нашел хоть один лишний килограмм, что произошло впервые в жизни и не по моей воле. – Так что я осталась без работы.

Я выдохнула, отчего вокруг рта образовалось облачко пара. Зимы в Нью-Йорке настолько холодные, что хотелось прийти на работу в одеяле, в которое завернулся накануне вечером. Нам следовало перебраться куда-нибудь южнее. Главное держаться подальше от Калифорнии. Да и арендная плата там в разы ниже.

– Значит, у тебя осталась лишь работа в баре «У МакКоя»? – обеспокоенно спросила Роза и вздохнула, отчего в трубке послышался странный звук.

Я не могла винить ее за возникшие опасения. Сейчас я обеспечивала нас обеих. Да, за работу помощником платили не так уж много, но, черт побери, мы считали каждый цент. К тому же лекарства Розы стоили недешево.

– Не переживай, – несясь по оживленной улице, сказала я. – Это же Нью-Йорк. И здесь очень много работы. Она может свалиться на меня в любой момент. Так что я легко найду что-нибудь другое. – Вот только мне самой в это не верилось. – Слушай, мне пора, если я не хочу потерять еще и вечерние смены в баре. Я опаздываю уже на три минуты. Люблю тебя. Пока.

Я завершила звонок и замерла у следующего светофора. Передо мной стояла плотная толпа людей, ожидавших зеленого сигнала. Я не могла потерять работу в баре «У МакКоя», находящегося в самом центре города. Не могла. Скользнув взглядом по перекрестку, я остановилась на темном переулке, разделяющем два огромных здания. Короткий путь. «Не рискуй», – сказал внутренний голос.

Но я опаздывала.

И меня только что уволили с первой работы. А Роза опять стало плохо.

А еще скоро придет счет за квартиру.

К черту все, я быстро.

Я бросилась бежать, чувствуя, как отдается в позвоночнике каждый удар высоких каблуков о тротуар. Холодный ветер хлестал по щекам, царапая кожу. Я бежала так быстро, что не сразу поняла, почему меня резко дернуло назад. И только упав на задницу, сообразила, что кто-то пытался стянуть у меня сумку на длинном ремешке, которая висела на плече. Копчик пронзило болью, одежда тут же намочила, а кожу обдало холодом.

Но я даже не обратила на это внимания. Даже не удивилась и не рассердилась. Я лишь прижала сумку к груди и, задрав голову, уставилась на обидчика. Им оказался всего лишь ребенок. Вернее, высокий долговязый подросток с усеянным прыщами лицом. Видимо, он питался не лучше меня. Но это была моя сумка. Мои вещи. В мгновение ока Нью-Йорк превратился в каменные джунгли, в которых для выживания необходимо быть злее. Злее, чем тот, кто тебе противостоит.

Я сунула руку в сумку, пытаюсь нащупать перцовый баллончик, чтобы пригрозить парню. Ему следовало преподать урок. Он вновь дернул за ремешок, я сильнее прижала сумку к груди. И в этот момент нащупала металлический баллончик.

– Отвали или ослеплю, – целясь ему в глаза, предупредила я дрожащим голосом. – Оно того не стоит, но тебе решать, верить мне или нет.

Парень замахнулся на меня, и я тут же нажала на кнопку, выпуская струю. Но он успел перехватить мою руку и вывернуть ее. Жидкость пролетела в нескольких сантиметрах от него, не причиняя вреда. А затем парень ударил меня по лбу и оттолкнул в сторону. От удара у меня закружилась голова, все вокруг почернело, и я упала в обморок.

Возвращаться в реальность мне не очень хотелось.

Особенно когда зрение прояснилось и я поняла, что у меня в руках ничего нет. Телефон, водительские права, бумажник с двумястами баксами, которые я, черт побери, собиралась отдать за аренду, – все исчезло.

Я с трудом перевернулась на бок и уперлась руками в грязный асфальт, чтобы подняться на ноги. При падении с моих дешевых туфель отлетел каблук. Я подхватила его и, наконец, выпрямилась. Заметив вдалеке удаляющуюся фигуру грабителя с моей сумкой в руках, я погрозила ему вслед каблуком и сделала нечто совершенно мне не свойственное. Впервые за много лет я громко выругалась:

– Да чтоб тебя черти взяли, засранец!

Горло саднило от крика, когда я, хромая, направилась к бару «У МакКоя». Я не собиралась лить слезы, но все же чувствовала себя довольно жалкой. Разве это справедливо, что меня уволили и ограбили в один и тот же день? Да, мне определенно требовалось несколько шотов, которые я собиралась выпить, пока мой босс Грег не видит.

В итоге я опоздала на работу на двадцать минут. Единственное, что меня утешало, – наш ворчливый начальник отсутствовал, а значит, мне не грозило второе увольнение за день.

К счастью, Рашель, управляющая баром, была моей подругой. Так что она знала о моих финансовых проблемах. О Розе. И всем остальном.

Зайдя через заднюю дверь, я столкнулась с ней в коридоре у дверей в кухню. Она поморщилась и убрала мои светло-пурпурные волосы со лба.

– Думаю, всему виной не извращенный секс, а неуклюжесть, да? – сочувственно посмотрев на меня, спросила она.

Я выдохнула и зажмурилась. А затем медленно открыла глаза и пару раз моргнула, чтобы прогнать непролитые слезы.

– Меня ограбили по дороге сюда. Парень забрал мою сумку.

– Ох, милая. – Рашель крепко обняла меня.

Я уткнулась лбом в ее плечо и тяжело вздохнула. Меня все еще переполняла обида, но всегда приятно чувствовать утешение от другого человека. А еще

меня радовало, что Грег отсутствовал. Это означало, что я могу спокойно зализать свои раны, не выслушивая, как он, брызгая слюной, кричит на всех официанток.

– И это еще не все, Раши. Меня уволили из отдела «Эр-Би-Эс Эдвертайзинг», – прошептала я в ее темно-рыжие волосы.

Ее тело напряглось, а когда я отстранилась, то увидела, что озабоченность на ее лице сменилась полнейшим ужасом.

– Милли... – Рашель прикусила губу. – И что ты теперь будешь делать?

Она задала отличный вопрос.

– Возьму несколько дополнительных смен, пока не приду в себя и не найду еще одну работу? Найду подработку? Продам почку?

Последнюю фразу я сказала в шутку, но все же сделала мысленную пометку узнать об этом побольше, когда вернусь домой. Просто из любопытства. Ага, конечно.

Рашель обвела меня пристальным взглядом, потирая лоб ладонью. Прекрасно представляя, как выгляжу, я обхватила себя руками и выдавила жалкую улыбку. Я стала тощей. И сильно похудела с тех пор, как начала тут работать. Да и корни окрашенных в светло-пурпурный цвет волос уже начали прорасти. Хорошо, что мой родной цвет был светло-каштановым и это выглядело не так уж ужасно. Так что мое физическое состояние вместе со сломанным каблуком на туфлях и испачканным платьем прекрасно отражало, в каком ужасном положении я находилась.

Взгляд Рашель остановился на моем сжатом кулаке. Она протянула руку и забрала у меня каблук.

– Давай я его приклею, – вздохнув и закрыв глаза, предложила она. – А ты пока возьми туфли в моем шкафчике и приступай к работе. И не забудь про широкую улыбку. Видит бог, тебе сейчас очень нужны чаевые.

Я кивнула и чмокнула ее в щеку. Она просто спасла меня. И в этот момент меня не волновало, что она была как минимум сантиметров на семь ниже меня и носила обувь на два размера меньше. Так что я бросилась к шкафчикам для персонала, натянула униформу: короткую обтягивающую красную футболку, демонстрирующую живот, черную мини-юбку и черно-красный фартук с отпечатанным на нем названием бара. Это выглядело пошло, но сюда часто заглядывали сотрудники с Уолл-стрит, которые оставляли щедрые чаевые.

Распахнув деревянные салунные двери, я подошла к темной стойке, перед которой выстроились стулья, не обращая внимания на жаждущие – и совсем не выпивки – взгляды мужчин. Мне уже исполнилось двадцать семь лет и, казалось бы, это самый подходящий возраст для отношений. Но я слишком много времени тратила на работу, пытаюсь выжить в Нью-Йорке, так что на парней ничего не оставалось. Я старалась быть дружелюбной с клиентами, но не поощрять дальнейшее знакомство.

– Привет, Милли, – крикнул из-за стойки Кайл.

Он любил зачесывать назад свои светлые волосы, учился в Нью-Йоркском университете на режиссера, жил в районе Уильямсбург и одевался как Вуди Аллен. Одним словом, всячески скрывал, что он родом из Южной Каролины.

Я улыбнулась ему и обвела взглядом зал, где посетители – мужчины и женщины в костюмах, – расположившиеся за столиками, просматривали сообщения и рассказывали в сторис, как прошел их день.

– Много народу?

– Да пока не очень. Не переживай. Но Ди злится, что ты опять опоздала, – предупредил он. – Так что лучше поскорее проверь свои столики. – Он кивнул в сторону правой части зала.

Ди работала вместе со мной по пятницам. И я не обижалась, что она злилась. Она же не виновата, что у меня проблемы. Кивнув, я показала Кайлу большой палец, но он уже погрузился в чтение книги, которую прятал под стойкой.

Этим мне и нравилась работа в баре «У МакКоя». Клиенты тихо переговаривались между собой, подолгу сидели за столиками и всегда

оставляли чаевые по пятнадцать процентов и больше от суммы чека.

Покачивая бедрами в такт песне «Baby it's you» в исполнении группы «Smith», я направилась к столику в углу зала. Там располагалось самое темное и уединенное место в зале, которое мне нравилось тем, что выбирающие его посетители обычно оставляли хорошие чаевые.

Я называла этот столик своим счастливым уголком.

Сейчас за ним сидели двое мужчин. Склонившись над столешницей, они вели приглушенный разговор. Я остановилась рядом с ними, вытащила меню из-под мышки и улыбнулась их затылком.

– Здравствуйте, джентльмены. Меня зовут Милли, и сегодня я буду вашим официантом, – обратилась я к ним. – Принести вам что-нибудь, пока вы определяетесь с... – я замолчала, потому что увидела его.

Потому что как только мужчина с взъерошенными черными волосами поднял голову, мое сердце пропустило удар, а слова застряли в горле.

Вишес.

Я моргнула, пытаюсь осознать произошедшее. Передо мной сидел Барон Спенсер-младший и, к моему ужасу, выглядел намного лучше меня.

Он явно подрос, став выше ста восьмидесяти сантиметров, что подтверждалось его длинными вытянутыми в проход ногами, отрастил волосы цвета вороного крыла, которые непослушными кудрями закрывали его до смешного идеальные уши. А вот темные, как и его душа, глаза, высокие скулы, слегка покрасневшие от мороза, квадратная челюсть и прямой нос не изменились. Как и невозмутимо-равнодушное выражение лица.

Только румянец на его фарфоровой коже напоминал, что передо мной находится человек из плоти и крови, а также с бьющимся сердцем, а не бездушная машина. А еще придавал его мрачным, угрюмым чертам лица мальчишеское очарование.

Я не удивилась, заметив, как он окинул меня до боли знакомым взглядом, говорившим: «Так уж и быть, я трахну тебя». Меня также не удивило, что, в отличие от меня, его стиль изменился с возрастом. Его одежда выглядела безупречно и непритязательно. Сегодня он надел темно-синие джинсы, коричневые туфли-оксфорды, белую рубашку и сшитый на заказ пиджак.

Повседневно. Неброско. Дорого.

Вроде и ничего особенного, но сразу понятно, что он все еще богаче практически всего населения Америки. Я всегда меняла тему разговора, когда родители пытались рассказать мне о ком-либо из Тодос-Сантос, но даже они не упоминали о Вишесе. Во всяком случае, в последние годы. Но судя по его виду, он каждый день просыпается по утрам, чтобы одеваться как крутой и богатый парень.

Я так и не заставила себя посмотреть ему в глаза, вообще не хотелось смотреть в его сторону. Так что я перевела взгляд на мужчину, сидевшего напротив него. Он показался мне немного старше Вишеса – наверное, чуть больше тридцати лет, – крепкого телосложения с пшеничного цвета волосами и в идеально подогнанном по фигуре костюме алчного брокера с Уолл-стрит.

– Что желаете выпить? – спросила я, чувствуя, как сжимается горло.

Улыбка исчезла с моего лица. Да я вообще дышала?

– Коктейль «Черный русский», – ответил мне Костюм, обведя взглядом мою фигуру и остановившись на груди.

– А вам? – обратилась я к Вишесу, утыкаясь в блокнот.

Я старательно делала вид, что записываю заказ, хотя легко запомнила его. Так что моя дрожащая рука, порхая по бумаге, строчила какие-то каракули.

– Бурбон, чистый. – Голос Вишеса звучал безразлично, а в глазах не отразилось ни единой эмоции, когда он посмотрел на мою ручку.

Не на меня, а именно на ручку.

Отрешенный. Равнодушный. Безучастный.

Ничего не изменилось.

Я развернулась и похромала к бару в чересчур тесных туфлях Рашель, чтобы передать заказ Кайлу.

Может, Вишес не узнал меня? В конце концов, какое ему до меня дело? Прошло уже десять лет. А я прожила в поместье Спенсеров всего год, пока училась в выпускном классе.

Я постучала по стойке погрызенным кончиком ручки, привлекая внимания Кайла, а затем озвучила заказ. Услышав, что Костюм заказал «Черный русский», он застонал, потому что ненавидел готовить коктейли. Я не стала спешить к следующему столику, а осталась у стойки и украдкой бросила еще один взгляд на парня, от которого мое сердце начинало биться чаще. Он выглядел очень классно. Худощавый, мускулистый и невероятно мужественный. Да, последние десять лет у него прошли заметно лучше, чем у меня. И тут мне стало интересно, а он оказался на Манхэттене проездом или живет здесь? Почему-то меня очень взволновал вопрос, живет ли он в Нью-Йорке. Вот только Роза и родители знали, что лучше не упоминать в разговоре никого из Хулиганов.

«Нет, Вишес оказался здесь по делам», – решила я.

И я все еще ненавидела его так сильно, что даже с трудом удавалось вздохнуть при взгляде на него.

– Твой заказ готов, – объявил Кайл у меня за спиной.

Вздрагнув, я повернулась к нему и поставила стаканы на поднос. А затем сделала глубокий вдох и направилась обратно к столику Вишеса. Колени задрожали, когда я подумала о том, как выгляжу в своей откровенной униформе. В дешевом укороченном топе и туфлях на два размера меньше.

Но, даже чувствуя стыд, я расправила плечи и натянула на лицо широкую улыбку. Может, и к лучшему, что Вишес меня не вспомнил. Мне бы не хотелось, чтобы он знал, что я оказалась едва сводящей концы с концами официанткой,

которая питалась лишь хлопьями да макаронами с сыром.

– Ваш коктейль и ваш бурбон.

Я положила на черную столешницу красные салфетки, а затем опустила на них стаканы. Мой взгляд скользнул по левой руке Вишеса в поисках золотого обручального кольца. Но его там не было.

– Что-нибудь еще? – Я прижала поднос к животу и вновь натянула свою рабочую улыбку.

– Нет, спасибо, – отмахнулся от меня Костюм.

Вишес даже не удостоил меня взглядом. А через мгновение их головы вновь склонились над столом, и они вернулись к своему тихому разговору.

Мне не оставалось ничего другого, как отправиться к другим столикам, но я то и дело бросала на него взгляды, чувствуя, как колотится сердце. Наша встреча вызвала лишь разочарование, но это и к лучшему. Нас и раньше вряд ли бы кто-то счел друзьями или знакомыми.

На самом деле для него я всегда была кем-то незначительным, так что нас даже врагами назвать было нельзя.

Так что я сосредоточила все свое внимание на других посетителях. Я смеялась над их несмешными шутками и успела выпить две рюмки, которые Кайл подсунил мне у бара, пока клиенты не видели. Однако глаза, как настоящие предатели, то и дело устремлялись к Вишесу. Сейчас он с недовольным видом и сквозь стиснутые зубы что-то выговаривал Костюму.

Опершись локтями о стойку бара, я внимательно наблюдала за ними.

Барон «Вишес» Спенсер. Он всегда знал, как устроить хорошее шоу. Так что я не удивилась, когда он пододвинул к своему собеседнику толстую пачку бумаг, а затем ткнул указательным пальцем в первую страницу и откинулся на спинку стула с самодовольным видом. Он явно наслаждался победой. Раскрасневшись, Костюм ударил ладонью по столу, смял несколько листов и затряс ими в воздухе,

что-то говоря при этом. Бумаги пострадали, но Вишес сохранял хладнокровие.

Он со спокойным и невозмутимым видом подался вперед и что-то сказал своему оппоненту. И чем больше злился и горячился Костюм, тем более отстраненным и довольным выглядел Вишес.

В какой-то момент Костюм всплеснул руками и что-то воскликнул, а его лицо приобрело цвет маринованной свеклы. Вишес в ответ оперся локтем о стол и провел пальцем по верхнему листу, вновь привлекая внимание к так возмущившим его собеседника словам. Его губы выглядели напряженными, пока он что-то цедил стоящему перед ним мужчине, но Костюм выглядел еще хуже. Казалось, он сейчас упадет в обморок.

Сердце заколотилось в груди, а во рту пересохло, когда я осознала, что Вишес угрожал мужчине. Черт побери, он совершенно не стеснялся этого.

– Милли, твоя очередь, – шлепнув меня по заднице, объявила Ди.

Я вздрогнула от неожиданности. Она вернулась с пятиминутного перерыва и теперь отпускала меня.

Я не курила, поэтому обычно в это время звонила Роза. Из-за кражи телефона я не смогла бы этого сделать, но порадовалась, что Ди, судя по всему, уже простила мне опоздание.

– Спасибо, – ответила я и направилась напрямик в туалет.

Мне хотелось ополоснуть лицо и напомнить себе, что сегодняшний жуткий день близится к концу. Проскользнув мимо раковин, я скрылась в одной из кабинок, и, прислонившись к двери, сделала долгий, глубокий вдох.

Могло ли что-то улучшить мое настроение? Может, возвращение работы помощником? Нет. Мне она никогда особо не нравилась. Да и бухгалтер рекламного агентства и мой непосредственный начальник своим поведением каждый день нарывался на иск о сексуальных домогательствах. Может, внезапное прозрение Вишеса? Но от этого я еще больше начну волноваться и нервничать. Может, его внезапный уход? Но мне слишком нравилось смотреть на

него, чтобы этого желать.

Я вышла из кабинки и склонилась над раковиной, чтобы плеснуть в лицо воды, когда дверь открылась, и в туалет вошел он.

Вишес. Пришел. Сюда.

Я не боялась. Даже после всего, что произошло, я знала – он не причинит мне вреда. Во всяком случае, физического. Но определенно смутилась. Меня взбесило, что я выглядела как официантка-неудачница, а он... его окружала особая аура. Когда он заходил в комнату, и не важно, насколько грязной и маленькой она оказывалась, вы сразу ощущали, что перед вами стоял богатый, властный и знающий себе цену человек.

Его взгляд замер на фреске с цветами сакуры на стене у меня за спиной, а затем он посмотрел на меня, и все мысли тотчас повывлетали из головы. Судя по блеску в его глазах, он точно знал, кто стоит перед ним, и что именно я нарисовала цветы, изображенные у меня за спиной.

Вишес помнил, кто я. И что он сотворил со мной.

Он помнил все.

Наши взгляды встретились, и я почувствовала, как все сжалось внутри. Сердце затрепетало в груди, а тело сковало от непреодолимого желания заполнить возникшее неловкое молчание.

– Ты пришел, чтобы попросить прощения? – слова слетели с моих губ прежде, чем я успела их остановить.

Вишес мрачно усмехнулся, будто даже саму мысль об этом считал абсурдной. Он стоял, замерев передо мной, но казалось, что он прикасался ко мне повсюду.

– Ты ужасно выглядишь, – глядя на мои волосы, спокойно произнес он.

Прическа уже давно растрепалась, отчего пряди закрывали лицо, а на лбу расцвел отвратительный синяк.

– Я тоже рада тебя видеть. – Я прижалась спиной к стене, прижимая руки к холодной плитке, чтобы хоть немного успокоить жар, который он распалил во мне, как только зашел сюда. – Смотрю, тебе вполне хватило десяти лет, чтобы превратиться из хулигана в тирана.

С губ Вишеса сорвался хриплый смех, который тут же отозвался во всем теле. Я закрыла глаза, но через мгновение открыла их снова, чтобы вновь полюбоваться им. Год, наполненный его ненавистью ко мне, многому меня научил. И меня уже давно перестало волновать, что он смеялся надо мной.

– Что ты здесь делаешь, Служанка? – вновь став серьезным и хмурым, спросил он.

Вишес шагнул ко мне, но тут же замер, стоило мне вскинуть руку, чтобы остановить его. Я и сама не знала, зачем это сделала. Может, потому, что чувствовала невероятную боль из-за того, что он видел меня такой.

Беспомощной. Полуобнаженной. Обедневшей, потерянной и такой маленькой в этом огромном городе, который пережевал и выплюнул меня, убив тем самым все мои надежды и мечты. Ставшей такой же никчемной, какой он считал меня все эти годы. Настоящей служанкой.

– Я здесь работаю, – наконец ответила я.

Разве это не очевидно?

Он вновь двинулся ко мне, небрежной, расслабленной походкой. Но в этот раз я не стала его останавливать, а выпрямилась и вздернула подбородок. Его запах – пряный, землистый, мужской, с нотками мяты – заполнил мой нос. Я сделала глубокий вдох и вздрогнула. Он всегда оказывал на меня такое влияние. А я всегда ненавидела себя за это.

– Последнее, что я слышал о тебе, – ты работала над дипломом по изобразительному искусству. – Он изогнул густую бровь, как бы спрашивая: «Что же пошло не так?»

«Все, – с горечью подумала я. – Все пошло наперекосяк».

– Тебя, конечно, это не касается, но я получила диплом. – Я оттолкнулась от стены и, обойдя Вишеса, направилась к раковинам, чтобы вымыть руки. Его взгляд проследовал за мной. – А потом в мои планы вмешалась штука, именуемая «жизнью». Я не смогла позволить себе такую роскошь, как работу художником-стажером за «спасибо», поэтому работаю помощником в рекламном агентстве. Вернее, работала, пока меня не уволили три часа назад. Я решила, что день не задался еще до того, как пришла на работу в бар, но... – я скользнула взглядом по его телу. – Судя по всему, вселенная решила сделать его совершенно ужасным.

Я не понимала, зачем рассказываю ему все это. И уж тем более, почему вообще разговариваю с ним. После того, что он сделал со мной десять лет назад, мне следовало с криком выбежать из туалета, как только он переступил его порог. А затем позвать вышибалу и вышвырнуть его из бара. Но, как бы мне ни хотелось этого признавать, моя ненависть к нему оказалась меньше, чем следовало бы. Кроме того, в глубине души я понимала, что он не виноват в моем нынешнем состоянии. К этому привели мои собственные решения.

Я сама застелила себе постель. И теперь мне предстояло лечь в нее, хоть она и кишела блохами.

Засунув одну руку в карман, второй Вишес взъерошил свои непослушные волосы – казавшиеся сейчас, когда он стал мужчиной, еще более совершенными. Я отвела взгляд, гадая: «Как он провел последние десять лет? Чем зарабатывал на жизнь? Может, у него появилась жена и даже дети?» Я никогда не спрашивала и старалась не слушать о нем, но теперь, увидев его, меня охватило неумное любопытство и желание задать эти вопросы.

Но я удержалась.

– Хорошей жизни тебе, Вишес.

Я закрыла кран и медленно направилась к двери.

Но не успела сделать и шага, как он схватил меня за локоть и дернул к себе. Тело тут же окатила волна паники и возбуждения, ведь я понимала, что бессмысленно вырываться из рук того, кто больше тебя раза в два.

– Тебе нужна помощь, Служанка? – прошептал он, обдавая дыханием мое лицо.

Я ненавидела его за это прозвище.

И себя за то, как реагировала на его грубый голос, даже спустя столько лет. За то, как мурашки побежали по телу, а грудь опалило жаром.

Мое дыхание участилось, но и его тоже.

– Даже если я и нуждаюсь в помощи, то точно не в твоей, – прошипела я.

Но мои слова вызвали лишь хищную улыбку на его лице.

– Это мне решать, – сказал Вишес, отпуская из руки мой локоть с таким видом, будто он грязный. – Но мне надо об этом подумать, – добавил он и подтолкнул меня к двери.

Я развернулась и выскочила из туалета, оставляя свое школьное увлечение, ставшее Немезидой[З - Немезида – богиня возмездия в древнегреческой мифологии.], в одиночестве.

Я подумывала попросить Ди взять на себя их столик, пока они не уйдут – а она, скорее всего, согласилась бы с учетом того, как от них «разило» деньгами, – но глупая гордость не позволила этого сделать. Почему-то мне показалось важным доказать Вишесу и себе, что он меня совершенно не волнует. Хоть это и было ложью.

Час спустя, за который они успели попросить выпивку еще три раза, Костюм встал из-за стола. Он выглядел расстроенным, раздосадованным и побежденным. Да, эти чувства и я не раз испытывала за год, проведенный в Тодос-Сантос. Мужчина протянул руку через стол, но Вишес не пожал ее и даже не поднялся на ноги. Он молча сверлил взглядом стопку бумаг перед собой, призывая Костюм поднять ее. Мужчина так и сделал, а затем выскочил из бара.

Я поспешила принести счет и тут же отвернулась, чтобы Вишес не вздумал заговорить со мной. Через пару мгновений он расплатился кредитной карточкой,

а затем исчез, навсегда лишив столик статуса «счастливый». Когда я потянулась за чеком, то заметила, как дрожат руки. А все от того, что я опасалась взглянуть на размер чаевых. Да, это жалко, согласна. И не должно было иметь большого значения. Но имело. С одной стороны, мне не хотелось воспринимать это как подаяние, с другой, мне хотелось... черт побери, а чего мне хотелось?

Но на самом деле все это не имело значения. Потому что внизу чека виднелась приписка: «Приходи за чаевыми на 52-ю Западную улицу, дом 125, 23 этаж. Мрак».

С истерическим смешком, сорвавшимся с моих губ, я смяла чек и выбросила его в ведро за спиной у Кайла.

– Что, паршивые чаевые? – в замешательстве подняв глаза от книги, поинтересовался он.

– Да он ни цента не оставил, – ответила я и взмахнула рукой, прося налить мне еще одну стопку.

– Мудак, – выругался Кайл, хватаясь за бутылку с водкой.

«Ох, Кайл, ты даже не представляешь какой», – захотелось сказать мне.

Глава четвертая

Вишес

Какой неожиданный поворот. И от этого становилось все интереснее.

Я бы солгал, сказав, что позабыл Эмилию ЛеБлан. Но уж точно не ожидал увидеть ее снова. Конечно, я знал, что она перебралась в Нью-Йорк, но, черт побери, в этом городе помимо нее проживало более восьми миллионов человек.

Я приехал сюда неделю назад только ради одного дела: заставить придурка, с которым встречался в баре «У МакКоя», доказать, что его хренов иск против моей компании – дурацкая затея. И сделал это.

Доставляло ли мне удовольствие запугивать его? Да. Делало ли меня это плохим человеком? Возможно. Заботило ли меня это? Ни капельки.

Да и Серхио сдался не потому, что я, образно говоря, настолько сильно схватил его за яйца, что его будущие дети корчились в агонии. А потому, что я показал ему черновик встречного иска, который написал во время перелета из Лос-Анджелеса в Нью-Йорк. И именно это помогло мне сломить упрямку.

Многие считали адвокатов преступниками. И не зря. Ведь единственное, что отделяло меня от необходимости преступать рамки закона, – это возможности. А их я находил предостаточно.

Но Служанка оказалась недалеко от истины. Я был ужасным человеком и отличным адвокатом, в какой-то степени оставаясь все тем же мудаком, который испоганил ее выпускной год в школе.

Серхио решил отказаться от иска и оставить в покое клиента, которого мы якобы «переманили» у его фирмы. И это радовало. Я был одним из учредителей компании, специализирующейся на высокорисковых инвестициях и слияниях компаний. Мы вчетвером – Трент, Джейми, Дин и я – основали «Чемпион-Бизнес Холдингс» три года назад. Они занялись сделками и клиентами, а я стал начальником юридического отдела.

Конечно, мне нравились цифры. Они давали иллюзию безопасности. И радовали своим молчанием. Что тут могло не нравится? Но еще большее удовольствие мне доставляли споры и возможность выводить людей из себя.

И тут я наткнулся на Служанку.

Я не задумывался о том, чтобы использовать ее в своих планах, но от этого наша встреча стала еще приятнее. Она стала недостающим звеном. Страховой на случай, если в Тодос-Сантос все пойдет наперекосяк. Я приехал сюда ради сделки о слиянии, но также искал и того, кто выполнит бы за меня всю грязную работу. Изначально я планировал, что в достижении цели мне поможет мой

бывший психотерапевт. Он прекрасно знал мою историю и мог дать показания против мачехи. Но, черт побери, мысль использовать для этого Служанку нравилась мне гораздо больше.

Ведь это, скорее всего, очернит ее маленькую невинную душу. Она не умела мстить. Не вела себя жестоко, эгоистично или еще как-нибудь в моем духе. Она всегда была добра. А еще вежлива и покладиста. Она улыбалась незнакомым людям на улице – уверен, она делала это даже в Нью-Йорке, – а в ее голосе, помимо приветливости и дружелюбия, все еще слышался легкий южный акцент.

Я надеялся, что Служанка не встречалась с каким-нибудь парнем. Не для моего, а для его же блага. Хотя не имело большого значения, существовал он или нет. На самом деле я отмахнулся от мысли о нем в ту же минуту, как только вошел в бар «У МакКоя» и увидел, что ее ярко-голубые глаза смотрят на меня.

Она была идеальной.

И идеально подходила не только для моих планов, но и для того, чтобы скоротать время, пока они не реализуются.

Призрак из моего прошлого, который мог помочь мне приструнить демонов настоящего. И мне только на руку играло то, что Служанка находилась по уши в дерьме. В финансовой яме, из которой я с легкостью вытащу ее, вполне здоровую и невредимую, если она сможет заглушить угрызения совести.

И я собирался сделать все, чтобы она согласилась с моим планом. Служанка вновь стала моей, как только я увидел ее в этом практически ничего не скрывающем наряде.

Она просто еще ни о чем не догадывалась.

Эмилия

Сердце стало моим злейшим врагом. И это произошло еще десять лет назад, когда мне исполнилось семнадцать. Вот почему у меня не получалось выбросить Вишеса из головы, – несмотря на потерю работы, – пока шагала домой под неутрахающим ливнем.

Прошло уже двадцать четыре часа с нашей последней встречи, три часа с тех пор, как я думала о нем, и час и пятнадцать минут с того момента, как я в сотый раз задалась вопросом, стоит ли рассказывать Рози о произошедшем. Добравшись до дома, я сбросила с себя промокшую одежду, переоделась в сухую и побежала в аптеку «Дуэйн Рид», потому что забыла забрать лекарства для сестры. Но по возвращении я вновь вымокла до нитки.

Открыв пакет, я выставила баночки на стол нашей крошечной однокомнатной квартиры. Препарат, разжижающий мокроту. Витамины. Антибиотики. А затем открыла крышки, потому что Рози ослабла настолько, что не могла сделать это самостоятельно.

У моей сестры обнаружили муковисцидоз[4 - Муковисцидоз – наследственное заболевание, проявляющееся поражением желез внутренней секреции, а также тяжелыми нарушениями функций работы органов дыхания, пищеварительного тракта, а также потовых и половых желез.]. Некоторые болезни до поры до времени протекают тихо. А муковисцидоз еще никак и не проявлялся. В детстве никто и не догадывался, что Рози больна. На самом деле все считали ее красивее меня. У нас похожий цвет глаз. Синий с бирюзовым отливом и зелеными крапинками на краях радужки. Мы могли похвастаться пухлыми губами и волосами цвета ириски. Но мое лицо казалось пухлым и имело форму сердечка, а на ее лице выделялись скулы, как у супермодели.

Но чтобы стать супермоделью, Рози пришлось бы ходить по подиуму, а она не могла даже спуститься с третьего этажа, чтобы выйти на улицу.

Конечно, такое состояние наступало редко. И обычно она делала то же, что и любой человек на Земле. Но если она простужалась, то болела по полной. Усталость. Слабость. Упадок сил.

Три недели назад сестра подхватила воспаление легких. За последние полгода это уже второе. Нам повезло, что она взяла академический отпуск в колледже, чтобы заработать немного денег, потому что явно не сдала бы экзамены.

– Я купила тебе бульон. – Услышав, как зашуршали простыни на кровати, я достала контейнер из пакета и поставила его рядом с лекарствами, а затем включила плиту. – Как ты себя чувствуешь, дьяволенок?

– Как пиявка, которая высасывает твои деньги. Мне так жаль, Милли, – донесся до меня ее охриплый голос.

По древнему телевизору показывали серию «Друзей». Приглушенный смех отражался от скудной мебели и тонких стен, придавая нашей квартире в районе Саннисайд хоть какое-то очарование. Интересно, в который по счету раз Роза пересматривала этот сериал? Кажется, она знала наизусть все эпизоды.

Перекатившись к краю матраса, она встала на ноги и подошла ко мне.

– Как прошли поиски работы?

Сестра остановилась позади меня и принялась массировать мне плечи.

Я вздохнула и, слегка запрокинув голову, зажмурила глаза. Как же хорошо. Мне хотелось поскорее завалиться на нашу двуспальную кровать и вместе с сестрой посмотреть телевизор под одеялом.

– Агентства по временному трудоустройству завалены резюме, но никто не набирает сотрудников в преддверии Рождества. Так что свободных мест пока нет. С другой стороны, в моде вновь бледность и худоба, так что мы не будем выделяться из толпы. – Я медленно выдохнула. – Кажется, в этом месяце с деньгами будет очень туго.

Между нами воцарилась тишина, прерываемая лишь ее тяжелым дыханием.

– Охренеть, – выпалила она, но тут же прикрыла рот рукой и поморщилась.

Да уж, Роза не назовешь Южной красавицей[5 - Так в Америке называют выросших на юге леди, знающих правила хорошего тона и умеющих вести себя в обществе.].

– Нам хватит денег пережить декабрь? Уверена, я скоро поправлюсь. И к январю мы обе начнем работать.

– К январю мы, скорее всего, останемся бездомными, – пробормотала я, ставя кастрюлю на плиту и помешивая бульон.

Мне бы хотелось что-нибудь добавить в него. Овощи, курицу, да что угодно, лишь бы сестре полегчало. Лишь бы она почувствовала себя как дома.

– Давай соберем все купленное и вернем обратно? Мне не нужны лекарства. Я уже чувствую себя намного лучше.

Сердце сжалось в груди от ее слов. Потому что она нуждалась в своих лекарствах. Без них ей вновь станет плохо. Антибиотики не давали развиваться инфекции в легких и носовых пазухах. А ингаляционные аэрозоли – закрыться дыхательным путям. Сестра не только нуждалась в лекарствах, без них она бы попросту не смогла дышать.

– Я выбросила чек, – солгала я. – К тому же я могу увеличить лимит по кредитной карте.

Еще одна ложь. Никто в здравом уме не согласится на это. Я уже погрязла в долгах.

– Нет, – снова возразила она, а затем развернула к себе лицом и крепко сжала мои руки.

Ее пальцы оказались такими холодными, что мне захотелось расплакаться. Видимо, я вздрогнула от прикосновения, потому что Роза тут же отдернула руки.

– Ты же знаешь, что у меня плохое кровообращение. Но я чувствую себя хорошо. Клянусь. Послушай, Милли, ты и так достаточно для меня сделала. И слишком многим пожертвовала. Думаю, самое время вернуться к родителям.

Несмотря на слезы, заблестевшие у нее в глазах, сестра постаралась улыбнуться. Я покачала головой и, взяв ее руки в свои, принялась растирать пальцы, чтобы слегка разогнать кровь.

– Тебе осталось всего два года до получения диплома. А в Калифорнии придется начинать все заново, даже если тебе удастся найти университет, который ты сможешь себе позволить. Остайся. Таким, как мы, нечего ловить в Тодос-Сантосе.

Кроме того, наши родители тоже едва сводили концы с концами. Как и мы. Но мне удавалось лучше справляться с финансами. Я была молода и не собиралась сдаваться. А родители постарели и устали от жизни. Им уже перевалило за шестьдесят, и они до сих пор жили в Калифорнии в той дурацкой квартире для прислуги в поместье Спенсеров.

На самом деле мы с Розы прекрасно справлялись. Ведь она работала, пока не подхватила воспаление легких. Ее организм не вынес дождливой, холодной осени, а теперь наступила зима, и счета за квартиру увеличились из-за отопления. Но скоро наступит весна. А затем зацветут вишни. И жизнь станет лучше. Я в этом не сомневалась.

Но кажется, не стоило рассказывать сестре о встрече с Вишесом. Ей и без этого хватало поводов для беспокойства.

– Мне нужно отвлечься, – потеряв лицо, сказала я, чтобы сменить тему.

– Ни слова больше. – Прикусив нижнюю губу, Розы направилась к моему мольберту, который занимал угол нашей маленькой комнатки.

На нем стояла наполовину законченная картина, над которой я работала все последнее время – песчаная буря, вздымающаяся к черному небу. Ее заказала мне Сара, коллекционер из округа Уильямсберг. Раньше она работала в «Саатчи Арт»[6 - Онлайн-галерея художественного искусства, где художники представляют свои работы, чтобы их могли приобрести покупатели со всего мира.] и до сих пор хорошо общалась с владельцами галерей по всему городу. Так что мне хотелось произвести хорошее впечатление. И не упустить такой шанс. А еще я отчаянно нуждалась в деньгах.

Розы знала, как живопись успокаивает меня.

Поэтому она достала полупустые тюбики с масляной краской, кисти и деревянную палитру, повторяя последовательность моих собственных действий,

когда я готовилась рисовать. После этого она врубила нашу старую стереосистему, откуда полилась песня «Teardrop» группы Massive Attack и, не проронив ни звука, отправилась готовить мне кофе.

В такие моменты у меня щемило сердце от любви к младшей сестре. А еще я напоминала себе, что все мои жертвы, на которые я пошла ради нее, стоили того.

Я принялась рисовать, а в это время холодный декабрьский дождь яростно стучал в наше окно. Роза плюхнулась на кровать и принялась болтать, как любила делать это в старших классах, а также рассказывать, что нового произошло в жизни людей, с которыми мы вместе учились.

– Если бы тебе сказали, что ты можешь исполнить одну свою мечту, что бы ты выбрала? – задумчиво спросила она, прижав прикрытые пижамой ноги к холодной стене.

– Чтобы у меня появилась собственная галерея, – ни секунды не раздумывая, ответила я с глупой улыбкой на лице. – А ты?

Сестра потеряла уголок подушки, которую прижимала к груди.

– Получить этот чертов диплом и стать медсестрой, – сказала она. – Нет, подожди. Джаред Лето. Моя мечта – выйти замуж за Джареда Лето. Такой шанс я бы не упустила. И я говорю не о каком-то краткосрочном романчике, а о любви до гроба. Тем более что он хорошо устроился в жизни.

Я покачала головой. Но слушая, как беззаботно смеется сестра, не удержалась и присоединилась к ней. Боже, Роза.

Такие моменты необходимо собирать в копилку и прятать глубоко в сердце, чтобы вытаскивать их в самые черные дни. Потому что они напоминали мне, что хоть моя жизнь и была тяжелой, но в то же время и не такой уж плохой. А между этими двумя понятиями очень большая разница.

Тяжелая жизнь наполнена препятствиями и сложными моментами, но в ней также полно людей, которых вы любите и о которых заботитесь.

А вот плохая жизнь пуста. В ней не всегда встречаются трудности или вызовы, но зато в ней точно нет других людей, любви и заботы.

К тому времени как я закончила рисовать, пальцы онемели, а поясницу ломало от того, что пришлось несколько часов простоять в странной полусогнутой позе. Мы с сестрой съели макароны с сыром и куриный бульон, а затем в миллионный раз посмотрели «Эпизод с лотереей» сериала «Друзья». Роза повторяла все шутки вместе с героями, после чего заснула в моих объятиях. И ее тихое сопение от нехватки воздуха в легких заполнило комнату.

Я же еще долго не могла уснуть. Но, несмотря на усталость и легкий голод, чувствовала себя счастливой.

Четыре дня спустя я все же сдалась и купила себе новый телефон. Мне не хотелось тратить деньги, но как иначе работодатели должны были связываться со мной? Я не стала приобретать вычурных моделей, а взяла обычную «Nokia», которые все так любили до эпохи смартфонов. Но зато теперь я могла отправить СМС, позвонить или даже поиграть в так любимую в школьные годы «Змейку».

Всю неделю днем я обивала пороги кадровых агентств, а по вечерам отработывала смены в баре «У МакКоя». Рашель упростила других официанток поделиться со мной сменами, чтобы дать мне возможность заработать на арендную плату. И хотя я чувствовала себя из-за этого неловко, все же была благодарна за это.

Роза продолжала принимать лекарства, но болезнь только обострялась, отчего меня все сильнее охватывало беспокойство.

Кажется, это происходило из-за нашей квартиры.

Наша крошечная студия в Саннисайде едва прогревалась, поэтому зачастую в ней оказывалось холоднее, чем на улице. И частенько приходилось попрыгать или поприседать, чтобы хоть немного согреться. Но маленькая Роза не могла выполнять упражнения, потому что у нее тут же начиналась одышка.

Вот только я не знала, как выбраться из финансовой ямы, которую начала копать с тех самых пор, как предложила ей переехать ко мне. Когда сестра захотела учиться в Нью-Йорке, я отказалась от стажировки в художественной галерее и устроилась помощницей в рекламное агентство, чтобы обеспечивать нас.

Так прошли два последних года.

Но я так погрязла в рутине, что теперь нуждалась в настоящем чуде, чтобы продержаться на плаву, пока Роза не вылечится.

Мысли вновь вернулись к Вишесу и тому факту, что он больше не заходил в бар. Что ж, хоть этому нужно порадоваться.

Да, я действительно радовалась, хотя иногда сердце сковывала печаль. Мне до сих пор не верилось, что он не оставил мне чаевых. Что он оказался настолько бессердечным ублюдком.

Отработав двойную смену в баре, я наконец возвращалась домой. Прогноз по пути, медленно поднималась по неосвещенной лестнице особняка в итальянском стиле, в котором находилась наша квартира. В коридоре на втором этаже тоже оказалось темно, потому что хозяин не потрудился заменить перегоревшие лампочки. Но не мне жаловаться, потому что я каждый месяц задерживала оплату за жилье.

Вытянув перед собой руки, я на ощупь пробиралась вперед. Но тут благодаря лунному свету, проникавшему сквозь высокое окно рядом с моей квартирой, заметила большую тень. И с губ невольно сорвался крик.

Пока я нащупывала перцовый баллончик в наплечной сумке, которую купила на распродаже в комиссионном магазине, в темноте вспыхнул экран телефона. И в голубоватом свечении я увидела лицо Вишеса.

Он стоял, прислонившись к стене у самой двери, в связанном на заказ темно-синем свитере, рукава закатаны до локтей, в черных брюках и стильных ботинках, на которых не отпечаталось ни одного залома. Сейчас Вишес был похож на модель рекламы марки «Ralph Lauren», а я на уборщицу. И от одной этой мысли я начала хмуриться еще до того, как он открыл рот.

– Ты меня удивила, Служанка.

Услышав это прозвище, я нахмурилась еще сильнее. Служанка.

Взгляд Вишеса упал на перцовый баллончик, но это ни капли не смутило его.

– Я считал, что ты придешь за чаевыми.

– В самом деле? – Напряжение слегка ослабло, а страх отступил, но сердце продолжало колотиться в груди, правда, уже по другой причине. – Что ж, вот тебе совет – если ты решаешь в одиночку разрушить чью-то жизнь, то не жди, что этот человек захочет общаться с тобой. Даже ради денег.

Кажется, его не задел мой язвительный тон. Оттолкнувшись от стены, Вишес направился ко мне с такой целеустремленностью и самоуверенностью, что это в очередной раз напомнило мне, что он ощущает себя намного комфортнее, чем я. И остановился он только тогда, когда его грудь коснулась моей, отчего тело тут же пронзила дрожь.

Я отступила назад и, скрестив руки на груди, изогнула бровь.

– Как ты меня нашел?

– Твоя подружка Рашель решила, что я хочу устроить тебе свидание-сюрприз. Она явно не отличается сообразительностью, но ты ведь всегда питала слабость к простачкам.

Отведя взгляд в сторону, я уставилась на облупившуюся, потертую дверь, ведущую в мою квартиру размером с обувную коробку.

– Зачем ты пришел, Вишес?

– Ты сказала, что работала помощницей, – слегка пожав плечами, ответил он.

– И?

– Мне как раз нужна одна.

Я запрокинула голову назад и засмеялась, вот только не чувствовала и капли веселья.

Да как ему наглости-то хватило?

– Забудь, – быстро успокоившись, сказала я.

А затем выудила из сумочки ключи и потянулась к замку. В мгновение ока Вишес обхватил мою талию и повернул лицом к себе. Это прикосновение застало меня врасплох, вызвав легкое головокружение. Но я не собиралась так быстро сдаваться, поэтому отпрянула от него и вновь повернулась к двери, чувствуя, как внутри разрастается истерика. Я даже не заметила, как ключи выпали из рук, поэтому пришлось поднимать их. Мне не нравилось, как мое тело реагировало на этого мужчину. И это всегда не вязалось – да и не вяжется до сих пор – с моими чувствами к нему.

– Чего ты за это хочешь? – прорычал он над самым моим ухом.

– Мир во всем мире, лекарства от болезней легких, воссоединения группы The White Stripes, – перечислила я.

Но он даже глазом не моргнул.

– Сто тысяч в год.

Его голос, словно сладкий яд, проник в мои уши и сковал тело.

– Я знаю, что твоя сестра больна. Но если ты станешь работать на меня, то сможешь помочь Розе и перестанешь беспокоиться о том, на что купить медикаменты.

Как долго он разговаривал с сестрой и самое главное – зачем?

Такая зарплата была запредельной, особенно для помощницы. Я смогла бы бросить работу в баре «У МакКоя», не говоря уже о том, что этих денег хватило

бы, чтобы обеспечить и себя, и сестру. Но гордость – моя глупая гордость, чудовище, которое требовало еды, только когда на горизонте появлялся Вишес – затмила голос рассудка.

– Нет, – процедила я сквозь зубы.

– Нет?

Он склонил голову набок, словно не расслышал, что я сказала. И стоило признать, что выглядел при этом восхитительно.

– Тебе незнакомо это слово? – Я расправила плечи. – Никакие деньги не помогут мне забыть о том, как сильно я тебя ненавижу.

– Сто пятьдесят тысяч, – не обращая на мои слова внимания, сказал Вишес.

Ему нужен слуховой аппарат?

Его темно-синие глаза сверкали, словно редкие сапфиры. Он считал, что это переговоры. Но ошибался.

– Дело не в деньгах, Вишес, – выдавила я сквозь стиснутые зубы. – Может, мне сказать тебе это на другом языке? Так я не против. Могу даже изобразить это в танце.

Его рот скривился в подобии улыбки, которая быстро исчезла.

– Я уже и забыл, как весело доводить тебя. Я предоставлю тебе квартиру в нескольких минутах ходьбы от офиса. Она полностью меблирована и оплачена на весь срок твоей работы.

Я почувствовала, как кровь приливает к ушам.

– Вишес!

Можно я его ударю, а?

– А еще найму медсестру, которая станет присматривать за Розы. Все двадцать четыре гребанных часа в сутки. Это мое последнее предложение, – процедил он, а на его щеке дернулся мускул.

Мы замерли друг напротив друга, как два воина, готовых схватиться за меч, вот только у меня к горлу подкатывал ком, потому что мне хотелось согласиться на эту сделку. И что это говорило обо мне? Что я слабая, безнравственная или попросту безумная? Кажется, и то, и другое, и третье.

Этот человек не только изводил меня, но и вынудил уехать из Калифорнии. А теперь хотел взять меня на работу. И не чурался грязных приемов, чтобы вернуться в мою жизнь. Вот только я не понимала, какую цель он преследовал. Мы с ним не дружили. Да и помогать он мне не спешил. Так что к его предложению следовало относиться настороженно.

Я снова попыталась вставить ключ в замок, но в темноте промахнулась мимо замочной скважины. И это напомнило мне о том, что необходимо оплатить счет за электричество. На самом деле их накопилось уже три. Как же весело я живу.

– И в чем подвох? – повернувшись к нему лицом, поинтересовалась я хриплым голосом и прижала руку ко лбу.

Вишес потер костяшками свою скулу, и в его глазах заплясали веселые искорки.

– Боже, Служанка, с чего ты решила, что должен быть какой-то подвох?

– Потому что предложение исходит от тебя?

Я слышала, что в моем голосе прозвучали горькие нотки, но меня это уже не волновало.

– Возможно, придется выполнить несколько задач, которые не входят в основной контракт. Но ничего предосудительного.

Я приподняла бровь. Не слишком-то обнадеживающе это звучало.

– И ничего сексуального характера тоже, – уловив мои сомнения, добавил Вишес. – Думаю, тебя порадует, что я все еще вижу голых задниц больше, чем любой проктолог. Причем бесплатно.

Вот только от этих слов мое сердце вновь забилося сильнее. Ведь это означало, что он все еще одинок. Раз он наслаждался бессмысленными интрижками, значит, так и не нашел постоянную подружку. Вишес казался мне слишком гордым, чтобы обманывать возлюбленную. И хотя оставался настоящим ослом, но при этом и верным.

– И почему именно я?

– Да какое, к черту, это имеет значение?

– Для меня имеет, – выпалила я, отчаянно хватаясь за последнюю возможность отказаться от этой сделки. – К тому же я ужасная помощница. Просто отвратительная. Однажды я отправила на встречу бухгалтера, на которого работала, с бумагами по совершенно другой компании. А затем чуть не купила его жене билет на самолет в Санкт-Петербург, который находится в России, вместо Санкт-Петербурга во Флориде. До сих пор благодарю бога и того, кто придумал коды аэропортов, – пробормотала я.

– Ты бы оказала ей огромную услугу. Флорида – штат долбанных зануд, – сострил он. – Кто знает, вдруг твоя униформа стриптизерши пробудила во мне чувство вины.

«Вот же врушка», – с горечью подумала я. И все же... как вовремя он сделал это предложение. Когда от самого дна и уведомления о выселении меня отделяло лишь несколько дней. Да еще предложил то, от чего я просто не могла отказаться. Ведь это повлияет не только на меня, но и на здоровье и безопасность членов моей семьи.

– Я не хочу на тебя работать, – повторила я, словно попугай.

– К счастью для меня, у тебя не остается другого выбора. Когда вселенная принимает решение за тебя, нужно смириться и принять свою судьбу. Твои чаевые... – он засунул руку в карман брюк и достал оттуда сложенный листок, – ждали тебя. Так что в следующий раз, когда я скажу тебе сделать что-то, не

тяни. Я не отличаюсь большим терпением.

– Что это? – еле дыша, спросила я.

С неутихающей подозрительностью и вновь участившимся сердцебиением, я выхватила листок из его длинных пальцев и развернула его.

Это оказался чек.

На десять тысяч баксов.

Господи боже мой и святые угодники.

– Считаю это оплатой за месяц вперед. – Нахмутив брови и возвышаясь надо мной, он сверлил взглядом чек в моей руке. Его плечо случайно коснулось моего, отчего грудь тут же окутало теплом. – Раз уж мы остановились на ста пятидесяти тысячах в год, то примерно столько ты и будешь получать в месяц после уплаты всех налогов.

– Не помню, чтобы соглашалась на что-то, – возразила я, хотя и сама понимала, что не откажусь.

У меня накопилось множество долгов, а денег хватало только на поесть один раз в день. Да и то, скорее, перекусить. Сейчас я сражалась с самой собой, но прекрасно понимала, что в конце концов деньги победят. И дело вовсе не в моей жадности. Тут речь шла о выживании. А в такие моменты гордость – не помощник. Она не смогла бы прокормить меня. Или помочь купить лекарства Розы. Или оплатить счета за электричество, чтобы его не отключили в следующем месяце.

Вишес протянул руку и убрал прядь волос, закрывающую глаз. Его прикосновение было мимолетным, но мне показалось, будто оно опалило кожу. И это вновь вернуло меня в ту давнюю ночь, когда мы поцеловались. Правда, я не очень хорошо помнила тот момент.

– Ты доверишь мне свою жизнь? – Его голос, словно черный бархат, приласкал меня в тех местах, до которых он не мог дотянуться.

– Нет, – честно ответила я.

И закрыла глаза, мечтая, чтобы на его месте оказался кто-то другой. Чтобы кто-то другой мог вызвать у меня те чувства, что я сейчас испытывала.

Жар. Желание. Жажда обладания.

Кто угодно, но только не Вишес.

– А я могу доверить свою тебе? – спросил он.

Этот человек был умен. Нет, это еще мягко сказано. Я бы назвала его гением. Настолько хитрым и смелым парнем, который всегда оказывался на шаг впереди всех остальных. И всегда прикрывал свои тылы. Я прекрасно знала это, хотя мы прожили рядом всего год, пока учились в выпускном классе. Но за это время я не раз видела, как он уходил от неприятностей. Начиная от взлома учительских компьютеров, чтобы скачать задания контрольных и продать их отчаявшимся ученикам за абсурдную цену, заканчивая поджогом ресторана на пристани Тодос-Сантос.

Вот только мы больше не дети. Мы выросли, а значит, последствия могут оказаться катастрофическими.

И все же я кивнула.

– Приходи на работу завтра к восьми тридцати утра. И без опозданий, Служанка. Адрес тот же, что я дал тебе в баре. И не заставляй меня пожалеть о своей щедрости.

Бесшумно, словно призрак, обойдя меня, он скрылся на лестнице. Сильным порывом ветра хлопнула входная дверь, приводя меня в чувства.

Я хорошо запомнила адрес, по которому он велел мне прийти за «чаевыми». Почему-то все, что касалось Вишеса, прекрасно откладывалось в моей памяти. И там, в одном из ее уголков, копилась вся информация, что я знала о нем.

А теперь, судя по всему, мне придется работать бок о бок с ним.

Отперев дверь и войдя в квартиру, я обнаружила, что Роза уже спала. Меня обрадовало, что лекарства помогли ей заснуть, несмотря на наши с Вишесом голоса в коридоре. И в этот момент я поняла, что сделала правильный выбор.

Это просто очередной этап в моей жизни.

Мне следует проглотить свою гордость, пойти на поводу у Большого Злого Волка, а затем заполучить то, что мне так необходимо, и уйти от него. Но в этот раз я собиралась сделать это на своих условиях.

Именно это я пообещала самой себе. И очень надеялась, что не нарушу данное слово.

Глава пятая

Вишес

– Да я от нее мокрого места не оставлю! – выпалил я, вертя между пальцами ручку Служанки.

Ту, которую стащил у нее в баре «У МакКоя». Она не заметила пропажи, потому что нервничала и пыталась понять, что происходит, но меня это вполне устраивало. Кончик ручки оказался погрызен, что вполне соответствовало дурацким привычкам Эмили. Каждый чертов день после уроков математики на ее столе оставались погрызанные карандаши.

И возможно, я забирал их. И возможно, это стало их спасением.

И возможно, они все еще лежат в каком-нибудь из ящиков письменного стола в моей старой комнате. Какое только дерьмо не творят похотливые подростки.

Я отталкиваюсь от стола на большом кожаном кресле и поворачиваюсь к окнам, которые тянутся от пола до потолка, открывая прекрасный вид на Манхэттен.

Люди говорят, что Нью-Йорк подавляет.

Но во мне этот город пробуждал чувство чертового всемогущества.

Да и чему удивляться, ведь я находился в элитном небоскребе, где мне принадлежал весь двадцать третий этаж. И все тридцать два человека, – а с приходом Эмилии ЛеБлан тридцать три, – которые работали здесь, подчинялись мне. Зависели от меня. Расплывались в улыбке при виде меня, хоть я и вел себя как невоспитанный ублюдок. Это чувство подогревало и то, что мне без проблем удалось заказать столик в самом крутом ресторане на Мэдисон-парк на сегодняшний вечер.

Некоторые люди принадлежали Нью-Йорку, а некоторые владели им. И я относился к числу последних. А ведь я даже не жил в этом гребаном городе.

– Ты и пальцем не тронешь свою мачеху, – со смешком отмахнулся Дин. – Ты слишком много смотришь «Пинки и Брейн». Только вот ты мечтаешь не захватить мир, а посильнее изгадить жизнь людей.

Телефон по громкой связи разносил его голос по кабинету, пока я продолжал наслаждаться видом.

– Вчера вечером она написала мне, что рано утром прилетает в Нью-Йорк и что я должен выслать ей свое расписание, – продолжал кипятиться я. – Да кем она себя возомнила?

– Хм... Твоей мачехой? – В голосе Дина слышалось неприкрытое веселье.

На Западном побережье было всего четыре пятнадцать утра, самое «жаркое» время между ночью и утром. Вот только меня это не волновало. Да и Дин еще не привык к разнице во времени, ведь последние десять лет своей жизни он провел в Нью-Йорке. К тому же этот маленький засранец никогда не напрягался.

– Кстати, ты уже должен был вернуться в Калифорнию. Чего тянешь? – спросил он. – Когда уже, черт побери, мы вновь поменяемся офисами?

В ответ на его громкий голос на заднем плане раздалось возмущенное женское ворчание. Судя по всему, в кровати – в моей, черт возьми, кровати – его ждала женщина. Я облизал губы и вновь покрутил ручку Служанки в руке. Я все еще не признался Дину, что нанял ее, но вновь решил отложить это до следующей недели. Он даже не догадывался, что все это время Эмилия жила в Нью-Йорке. И мне хотелось пока сохранить это в тайне.

Лучше всего разбираться с одной напастью за раз. А сегодня таковой стала моя мачеха.

– Точно не в ближайшее время. Твои работники слишком расслабились. Так что мне пришлось разгрести завалы, которые ты после себя оставил.

– Вишес, – процедил Дин сквозь стиснутые зубы.

За шесть лет «Чемпион-Бизнес Холдингс» стал настолько успешным, что мы открыли четыре филиала: в Нью-Йорке, Лос-Анджелесе, Чикаго и Лондоне. Обычно Дин работал в Нью-Йорке, а я в Лос-Анджелесе, но из-за Серхио и его дурацких исков мне пришлось приехать сюда. Потому что я единственный, кто использовал свой рот не только для сладостных речей и лизания задниц. Если мы хотели умаслить клиента, то посылали на встречу с ним Трента. Но если вокруг фонтанировало дерьмо и требовалось кого-то припугнуть или поставить на место в рамках закона, то звали меня.

Дин же решил в это время проверить работу лос-анджелесского филиала. Мы вчетвером частенько прибегали к такой тактике за эти годы. Меняли декорации и разбавляли рутину. А так как нас все еще связывала крепкая дружба, то мы останавливались в квартирах друг друга. Да и в принципе вчетвером владели всеми этими квартирами. Мы считали друг друга одной большой семьей. А среди высшего класса ничего не подтверждало родственных чувств лучше, чем совместные капиталы и общая недвижимость.

Обычно я не возражал, хотя знал, что Трент и Дин задались целью засунуть свои сосиски в каждую булочку в радиусе тридцати километров от моей квартиры. Да эти ублюдки, наверное, перетаскали в мою кровать половину жительниц Лос-Анджелеса. Но именно для этого я и нанял горничную.

А еще помощника, который следил, чтобы простыни, которые они использовали, выбрасывались, – а еще лучше, сжигались – до того, как я переступал порог дома.

Но в этот раз меня вообще не заботило, что Дин творит в моей квартире. Потому что не собирался в ближайшее время выезжать из него.

Наш нью-йоркский филиал оказался в полнейшем беспорядке, поэтому мне действительно требовался помощник, чтобы разобраться со всем этим. Вот только, к несчастью для Служанки, я собирался уволить ее сразу после того, как закончу с ней. И уж точно не планировал позволять ей работать на Дина.

Да и он не стремился вновь увидеть ее смазливое личико. Она умерла для него. И он считал это вполне заслуженным.

В любом случае это были ее проблемы, а не мои.

– Завязывай, Вик, – бросил Дин, сокращая мое прозвище.

Нам показалось непрофессиональным называть меня Вишесом при клиентах, поэтому мы сократили его до Вик и не стали переубеждать тех, кто решил, что это сокращение от Виктора.

– Я хочу вернуться в свою квартиру, – продолжил он. – Хочу вернуться в свой гребаный офис. И в свою гребаную жизнь.

– А я хочу жить в городе, где не приходится объяснять таксистам чертов маршрут, будто ты работаешь на них, а не они на тебя. Не волнуйся, я не стану злоупотреблять твоим гостеприимством.

– Я тебя удивлю, придурок, но ты уже это сделал. – Дин снова громко рассмеялся.

Женщина на заднем плане громко зевнула, а затем спросила:

– Детка, давай еще немного поспим?

– О, а ты не хочешь посидеть у меня на лице, пока мы будем это делать? – поинтересовался Дин.

Я закатил глаза.

– Удачного дня, засранец.

– Иди полакомись чьей-нибудь задницей. Только не на моей кровати, – сказал он и положил трубку.

Как раз вовремя, потому что в кабинет появился гость.

– Доброе утро, мистер Спенсер! Я принесла вам кофе и завтрак. Омлет из трех яичных белков на ломтике цельнозернового поджаренного хлеба и свежесобранную клубнику.

Я почти не слушал, что щебетала женщина своим тонким голоском, но все же повернулся к ней на кресле.

– Ты кто такая?

Я обвел ее взглядом. Ее волосы оказались такими светлыми, что могли посоперничать с белыми зубами, которые выглядывали из-за губ, растянутых в широкой улыбке. Фигура выше и тоньше, чем у среднестатистической американки. А вот зарплата больше, если судить по ее костюму из недавней коллекции люксового бренда «Сент-Джон».

Может, я даже поскупился, когда предложил Служанке сто пятьдесят тысяч в год? Ведь это Нью-Йорк, и здесь вряд ли стоит чему-то удивляться.

– Я Сью! Помощница Дина, – все так же сияя, ответила она. Ее улыбка даже не дрогнула, что даже слегка пугало. – И работаю на вас уже две недели.

Точно. Стоило присмотреться к ней, как она показалась мне знакомой.

– Приятно познакомиться, Сью. А теперь собирай все свои монетки и проваливай отсюда. Ты уволена.

Сью погрузилась. А я почувствовал некоторое облегчение. Потому что до этого она выглядела так, будто какой-то хирург-изверг пришел ей ту жуткую улыбку.

Сейчас же ее щеки побледнели, а рот приоткрылся.

– Вы не можете меня уволить, сэр.

– Серьезно? – выгнув бровь, спросил я, словно меня действительно это интересовало.

Я вывел свой ноутбук фирмы «Dell» из спящего режима – пошли на фиг макбуки и все позы-хипстеры, которые их покупают, включая Дина, – а затем открыл документ, над которым работал. Я планировал внезапное наступление и последующее поглощение компании, которая конкурировала с одним из наших клиентов, а чертова Сью не давала мне продумать последние мелочи. К тому же она все еще держала в своих пальчиках с французским маникюром тарелку с завтраком, и оставалось лишь надеяться, что она оставит ее на моем столе, прежде чем уйдет.

Я открыл вкладку с примечаниями, чтобы вспомнить, над чем конкретно работал вчера, прежде чем поехал к Служанке.

– Назови хоть одну причину, по которой я не могу этого сделать, – не отрываясь от экрана, сказал я.

– Потому что я работаю на Дина уже два года. А в июне даже удостоилась звания «Сотрудник месяца». К тому же у меня есть контракт. И согласно ему вы обязаны письменно уведомить меня о моей оплошности. Так что ваши действия неправомерны.

Ее напуганный голос действовал мне на нервы похлеще отходняков в выходные.

Я посмотрел на нее исподлобья. Если бы взглядом можно было убивать, то вопрос с ней решился бы сам собой.

– Покажи мне свой контракт, – прорычал я.

Пыхтя от гнева, она вышла из стеклянной будки, которая временно стала моим офисом. Обычно здесь обитал Дин, а этому ублюдку нравились стекло и зеркала, так как он, судя по всему, так сильно любил себя, что не мог не любоваться на себя каждые две секунды. Через несколько минут Сью вернулась с копией контракта. Только что распечатанные листы, еще не успели остыть.

И, черт побери, она мне не врала.

В контракте Сью указывалась не только необходимость уведомить сотрудника за тридцать дней, но и прочее дерьмо. Это не был стандартный контракт на трудоустройство в ЧБХ. Я сам составлял его и воспользовался всеми доступными и известными человечеству лазейками, чтобы удостовериться, что мы несли минимальные юридические обязательства перед нашими сотрудниками при увольнении. Но эта цыпочка умудрилась подписать контракт, который я даже в глаза не видел.

Дин что, ее трахал?

Я вновь скользнул взглядом по ее худому, как тростинка, практически истощенному телу.

Да, вполне возможно.

– Ты когда-нибудь бывала в Лос-Анджелесе, Соня?

– Сью, – поправила она, раздражаясь вновь. – Всего раз, – добавила она. – Когда мне было четыре года.

– А как ты смотришь на то, чтобы слетать туда и помочь Дину, пока он в командировке?

Раздражение и грусть на ее лице сменились растерянностью, а затем радостью.

Сомнений не осталось. Дин точно ее трахал.

– Seriously? Но разве мистеру Коулу не помогает ваш помощник?

Не сводя с нее глаз, я медленно покачал головой. Ее губы вновь растянулись в широкую улыбку, а затем она захлопала в ладоши, едва сдерживая радость. И трепет. Какой же простушкой оказалась наша маленькая Сью. Но именно такие и нравились Дину. Так что неудивительно, что он оказался настолько глуп, сделав ее своей помощницей.

Хотя чему удивляться, ведь я знал его бывшую лучше, чем он сам.

– То есть вы меня не увольняете? – выпалила она.

– Ну, у тебя же контракт. – Я хлопнул рукой по бумагам, которые она только что мне распечатала, желая поскорее закончить разговор, прежде чем от общения с ней погибнут последние функционирующие клетки у меня в мозгу. – А теперь пошевеливайся. Тебе нужно успеть на самолет.

Как только она вышла из моего офиса, я поднял трубку и позвонил своей помощнице в Лос-Анджелес. Я не привязывался к людям, а использовал их как одноразовые салфетки. Привык к этому с самого детства. Перенял это у отца, который так же отнесся к моей матери, с легкостью заменив ее Джозефиной. К тому же он никогда не беспокоился обо мне, так что, возможно, и ко мне он относился так же. Вот почему во мне так глубоко укоренилась мысль, что никто из окружающих меня людей не должен иметь для меня большого значения.

За исключением друзей. И коллег. И отца.

– Тиффани? Собери сегодня свои вещи и получи расчет. Ты уволена. Вечером я пришлю кого-то другого на твое место.

Я не трахался с ней.

И подписал с ней стандартный контракт.

Прощай.

Я увидел ее на мониторе системы безопасности, который стоял рядом с моим ноутбуком, когда она прошла сквозь резные стеклянные двери в приемную ЧБХ. Моя новая помощница прибыла ровно в восемь утра. Но это совершенно меня не впечатлило. Я ожидал, что она появится еще пятнадцать минут назад. Сью объявилась здесь еще в семь тридцать, и у меня накопились дела поважнее, чем ждать прихода Служанки. Хотя чему я удивлялся?

Она всегда вызывала у меня приступ мигрени.

Увидев ее в том захудалом баре «У МакКоя», я просто не мог ее проигнорировать. Во-первых, она выглядела так, словно за двадцатку согласилась бы станцевать у меня на коленях. Во-вторых, туфли явно ей жали, лифчик, выглядывающий из-под униформы, казался размера на два больше. А это означало, что она носила другие туфли и сильно похудела с тех пор, как покупала себе нижнее белье.

А ведь в какой-то степени вина за ее положение лежала на мне. Ладно, в большей степени.

Именно из-за меня она уехала из Тодос-Сантос. С другой стороны, никто не просил ее прекрасную маленькую задницу выбирать самый дорогой город во всей гребаной стране. Да и вообще, что она забыла в Нью-Йорке? Но у меня уже не оставалось времени обдумать это, поэтому я нажал на кнопку интеркома[7 - Переговорное устройство внутренней связи.].

– Секретарша, – рявкнул я, потому что не знал ее имени, да и меня, черт возьми, это не волновало, – направьте мисс ЛеБлан в мой кабинет и выдайте ей айпад Сильвии и все прочие принадлежности для работы.

– Простите, сэр, вы говорите о Сью? – раздался в ответ вежливый пожилой женский голос.

Сквозь стеклянную дверь я увидел, как она поднимается на ноги и протягивает руку, чтобы поприветствовать Служанку.

– Я говорил о той цыпочке, что приносила мне завтрак, – проворчал я.

А затем снова уткнулся в экран, чтобы успокоиться, когда в дверь постучала Служанка.

Один. Два. Три.

Досчитав до десяти, я откинулся на спинку кресла и сцепил пальцы вместе.

– Войдите.

Что она и сделала.

Сегодня она надела красное платье в крупный белый горошек, напоминающее расцветкой божью коровку – я не шучу – и желтые легинсы. Я также заметил, что один из каблуков на ее туфлях слегка косил, словно его криво приклеили. По крайней мере, они хотя бы оказались нужного размера.

Ее заплетенные во французскую косу волосы все еще оставались светло-пурпурными. Что ж, это радовало, потому что она больше не напоминала мне своим видом Джозефину. Но, судя по тому, что корни больше не проглядывали, она успела подкраситься. Отлично, Служанка хотя бы попыталась выглядеть лучше после моего вчерашнего визита.

Даже не поздоровавшись, Эмилия уставилась на меня.

– Садись, – велел я.

Мне легко далось равнодушие. Ведь это все, что я умел проявлять к другим людям.

В последний раз мне дарили настоящие объятия еще в детстве. Мама. Незадолго до несчастного случая, который стоил ей свободы. Джо, став моей мачехой, попыталась обнять меня всего однажды. На благотворительном вечере. Но после моей ответной реакции больше не рисковала повторить это.

Служанка опустилась на стул, и мой взгляд тут же скользнул по ее ногам. Ее тело все еще выглядело прекрасно, хотя ей не помешало бы хорошенько поесть, а может, и не один раз. Сжимая в руках айпад, она не сводила с меня глаз. И в

них светились недоверчивость и презрение.

– Ты умеешь им пользоваться? – неторопливо спросил я.

– А ты умеешь разговаривать с людьми, не вызывая у них рвотного рефлекса? – склонив голову набок, ответила она тем же тоном, что и я.

Я подавил смешок.

– Ох, смотрю, кто-то встал не с той ноги. Очень мило. Но пора приступать к работе. Назначь мне встречу с Джаспером Стивенсом – его контакты есть в моей электронной почте, доступ к которой тебе уже должны были дать. А затем с Айрин Кларк. Она захочет встретиться в каком-нибудь ресторане, но даже не вздумай соглашаться. Я хочу, чтобы она пришла сюда. И привела с собой еще одного из руководителей, Ченса Клемента. После этого отправь водителя в аэропорт Кеннеди, чтобы он забрал мою маму, которая прилетит в половине пятого. А затем закажи мне такси до ресторана в Мэдисон-парк на семь вечера.

Сделав глубокий вдох, я продолжил выпаливать приказы:

– Отправь маме Трента свежие цветы – сегодня ей исполняется пятьдесят восемь лет. И убедись, что в букет вложат открытку с поздравлениями от моего имени. Адрес отыщи сама. Она живет неподалеку от Сан-Диего, но я понятия не имею, где именно. Спроси у администратора, что мне сегодня приносили на завтрак. С завтрашнего дня это должно стоять у меня на столе в половине девятого. Или даже раньше. А еще кофе. Не вздумай забыть про кофе. И да – сделай копии всех документов отсюда.

Я бросил ей толстую желтую папку, которую она ловко поймала в воздухе, продолжая печатать в айпаде.

– Также ознакомься со всем ее содержимым. Прочитай про всех учредителей. Ты должна знать, что им нравится, а что нет. Выявить их слабости. Я работаю над слиянием компании «Лаборатории Америки» и медицинских центров «Мартинес», и не дай бог что-то пойдет не так. Особенно из-за помощницы. – Я потер подбородок и вновь без зазрения совести скользнул взглядом по ее телу. – Думаю, на этом все. Кстати, Эмилия?

Она резко вскинула голову и встретила со мной взглядом через стол. Я склонил голову набок, а на лице появилась наглая ухмылка.

– Тебе не кажется, что все вновь вернулось на круги своя? Дочь прислуги стала... – я облизнул нижнюю губу, – служанкой.

Я не знал, как она отреагирует, но не мог удержаться и не ткнуть ее еще раз, прежде чем она покинет кабинет. Рядом с этой женщиной я всегда чувствовал себя неуютно, словно она могла видеть меня насквозь. Черт, да я до сих пор не понимал, зачем нанял ее. Ну, что сделано, то сделано. К тому же большую часть времени она вызывала у меня неумемную жажду деятельности и желание разорвать всех и вся.

Служанка гордо подняла подбородок и, встав со своего места, застыла словно изваяние. Но вот ее взгляд... Она смотрела на меня как на хренового уродца. Вот только я сегодня надел отутюженную рубашку. Черную и прекрасно подходящую мне по размеру. Так что я выглядел вполне презентабельно. Даже статно.

Тогда почему, черт возьми, она на меня так смотрела?

– Ты все еще здесь, – переводя взгляд на экран ноутбука, сказал я, а затем несколько раз щелкнул мышкой, чтобы показать, как занят.

Она должна уйти. Мне просто необходимо, чтобы она ушла.

– Я тут подумала... – Она замялась, а затем посмотрела на приемную, которая виднелась сквозь открытые жалюзи, висевшие на стеклянных стенах моего кабинета.

Я не удержался и проследил за ее взглядом до золотых букв ЧБХ внутри бронзового круга. Ее полные розовые губы слегка поджались. Хотя они мне и не нравились, но я бы не возражал, чтобы эти губы в один прекрасный момент обхватили мой член под этим столом.

– ЧБХ? – Она сморщила нос, и, уверен, многие мужчины посчитали бы это выражение лица очаровательным.

– «Чемпион-Бизнес Холдингс», – коротко ответил я.

– Четыре Беспутных Хулигана, – поправила она. – Четыре Беспутных Хулигана Тодос-Сантоса. Ты, Трент, Джейми и Дин.

– Понятия не имею, о чем ты говоришь.

Просто услышав, как она произносит наше прозвище вслух, мне захотелось ударить кулаком по столу. Мы неспроста выбрали такое название, чтобы аббревиатуры совпадали, но никому не говорили об этом. И лишь изредка, когда встречались все вместе раз в месяц, чтобы попить пива и обсудить дела, смеялись над тем, как провели всех. Над тем, что люди вкладывают заработанные миллионы в компанию, которая находится в руках четырех придурков-футболистов, трое из которых родились в богатых семьях, но сами проложили себе путь к успеху.

Но Служанку провести не удалось. Она обо всем догадалась. Разглядела все наше дерьмо. Наверное, именно это всегда и привлекало меня в ней. Что девочка, которая жила чуть ли не впроголодь и носила туфли по четыре года подряд, ни разу не попыталась подлизаться ко мне из-за моего огромного особняка и блестящей машины.

Я возненавидел ее по нескольким причинам. Во-первых, я лично поймал ее у дверей библиотеки после нашего с Дэрилом разговора, который она, скорее всего, подслушала. А значит, знала о моей тайне. И от этого я чувствовал себя еще более жалким и слабым. Во-вторых, она очень походила на Джо в молодости. Те же глаза. Те же губы. Те же слегка искривленные передние зубы. И тот же вид, как у Лолиты.

Черт возьми, да у них обеих даже есть южный акцент, вот только Эмилия практически избавилась от него за последние десять лет.

Ненависть к ней стала моим искуплением перед матерью за грехи, которые совершил не я.

Но была еще одна причина, по которой я не только ненавидел Служанку, но и уважал ее. Полнейшее безразличие к моему богатству и власти, которое слегка обескураживало.

Большинство людей терялись рядом со мной. Но только не Эмилия ЛеБлан.

Я расстегнул пуговицы на манжетах и закатал рукава, к собственному удовольствию отмечая, что она наблюдает за мной.

– Уноси свою задницу подальше отсюда, Служанка. У меня накопилось много работы.

– Боже мой, дорогой, ты выглядишь просто великолепно!

Джо обхватила мое лицо холодными морщинистыми руками. А ногти с идеальным маникюром впились в щеки, причиняя легкую боль.

Я одарил ее невозмутимой улыбкой и позволил притянуть голову для поцелуя в лоб, чтобы она от меня отстала. За все эти годы я никогда не позволял ей большего, и мачеха прекрасно знала, что не стоило переступать границы. В нос ударил запах дорогих духов и шоколада. Многие сочли бы его приторно сладким, но мне казалось, что он отдавал гнилью.

Наконец Джо отпустила меня и обвела пристальным взглядом мое лицо. Под глазами виднелись синяки, что говорило об очередной пластической операции. Еще двадцать пять лет назад Джо прекрасно бы подошла на роль девушки Джеймса Бонда. А ее сходство с Брижит Бардо просто поражало. Но, в отличие от известной актрисы, Джо не собиралась уступать природе. Она сопротивлялась ей, как только могла, но и та брала свое, поэтому Джо ложилась под нож при каждом удобном случае. Но это ее проблемы. Ведь обесцвеченные светлые волосы, операции, макияж, уход за лицом и сумочки от «Herm?s» не скрывали того факта, что ее былая красота неизбежно увядала.

Джозефина старела, а моя мать, Мари, так и осталась молодой. Мама умерла в свои тридцать пять. В память навсегда врезались ее черные, как ночь, волосы и белоснежная кожа. Ее красота была настолько же роковой, как и несчастный случай, который оборвал ее жизнь.

Она напоминала Белоснежку.

Вот только рядом не оказалось принца, который бы спас ее.

На самом деле принц и стал тем человеком, который дал ей отравленное яблоко.

А ведьма, стоявшая передо мной, распорядилась, чтобы его доставили по назначению. К сожалению, эту правду я понял слишком поздно.

– Я обожаю этот ресторан!

Мачеха поправила свои тщательно уложенные волосы и последовала за метрдотелем к нашему столику. По пути она болтала о дорогостоящем дерьме, ошибочно считая это светской беседой.

Но я не слушал ее.

Сегодня Джо надела серое платье от дизайнера Александра Ванг, которое я подарил ей на день рождения, – пришлось помучиться, пока искал эту дешевую подделку, чтобы ее богатые друзья посмеялись у нее за спиной, – а губы накрасила помадой с оттенком чуть темнее, чем ее любимое красное вино, чтобы даже после еды выглядеть чопорно и благопристойно.

В глубине души клокотала злость на Служанку из-за того, что она не напортичила ни с одним из заданий, которые получила от меня сегодня. Хотя и уверяла, что ужасная помощница. Если бы она забыла заказать машину для Джо, то и мне бы не пришлось здесь торчать.

Я плелся по эксклюзивному ресторану в авангардном стиле, проходя мимо стен из живых растений, французских дверей, черных шкафов с подсветкой и декоративных панелей. На несколько секунд я почувствовал себя ребенком, которого ждет страшное наказание. В какой-то степени так и было.

Мы уселись за столик.

И несколько минут молча пили воду из хрустальных бокалов, что казалось не только непрактичным, но и бессмысленным.

Не глядя друг на друга, мы пролистали меню, а затем перекинулись несколькими фразами о том, вино из какого сорта винограда лучше – Сара или Мерло.

Но мы не разговаривали. Ну, на важные темы. Потому что я ждал, пока она сама их поднимет. Хотя это и не имело особого значения. Я уже решил ее судьбу.

Вот только Джо заговорила о причине своего приезда после того, как официантка принесла нам первые блюда.

– Твоему отцу становится все хуже, – наконец сказала она, не поднимая взгляда от тарелки и ковыряясь в еде с таким видом, будто у нее отсутствовал аппетит. – Боюсь, он скоро умрет. Мой бедный любимый муж.

Она лишь притворялась, что любит его.

Я вонзил вилку в бифштекс и, отрезав кусок мяса с кровью, с безразличным видом принялся жевать его.

Моя же ненависть к нему искренна и незыблема.

– Какая жалость, – бесстрастным голосом произнес я.

Джо встретила со мной взглядом. И задрожала под своим поддельным дизайнерским нарядом.

– Я не знаю, сколько еще он протянет. – Она положила приборы на салфетку, которую не стала стелить на колени.

– Почему бы тебе не перейти сразу к делу, Джо? – с вежливой улыбкой поинтересовался я, осушил свой бокал скотча – пусть засунет себе вино в задницу – и откинулся на спинку стула.

Шоу начиналось.

Моли, мамочка, моли.

Достав из сумочки салфетку, Джо промокнула испарину на восковом лбу, накачанном ботоксом. Хотя мне показалось, что в ресторане прохладно.

Она волновалась. И это доставляло мне удовольствие.

– Барон... – проговорила она и, зажмурившись, вздохнула.

Я ненавижу свое имя. Ведь его дал мне отец. И я бы давно изменил его в паспорте, но не желал, чтобы кто-то знал, как меня это волнует.

– Тебе не нужны все его деньги, – вновь вздохнув, сказала мачеха. – Ты создал с нуля многомиллионную компанию. Конечно, я не жду, что твой отец что-то оставит мне в наследство. Но не могу же я жить на улице. А его болезнь застала меня врасплох...

Когда мне было десять лет, отец Дина, Эли Коул, работавший семейным адвокатом на нескольких знаменитейших актеров Голливуда, пришел к моему отцу и два часа общался с ним в кабинете за закрытыми дверями, обсуждая управление имуществом. Несмотря на то что отец влюбился в Джо как мальчишка, – а может, как раз из-за того, что прекрасно понимал это и не доверял себе, – папа настоял на брачном контракте, по которому в случае развода ей не досталось бы ни пенни.

Конечно, смерть – это не развод, но вряд ли это что-то меняло. Хотя ни я, ни Джо не знали, что написано в завещании, мы догадывались об этом. Мой отец был эгоцентричным человеком, и в жены взял не только свою любовницу, но и вторую скрипку в своей бизнес-империи. А я? Для него я всегда оставался лишь его наследником, а не сыном. Но в отличие от нее, в моих руках его империя будет процветать и дальше.

Так что, скорее всего, именно мне она и достанется. А значит, именно я стану распоряжаться финансами. Поэтому Джо переживала, что из-за моего главного порока – мстительности – она лишится своего образа жизни. И впервые за всю свою убогую жизнь оказалась права.

Я выдохнул и, подняв брови, отвернулся в сторону, словно ее слова меня удивили. А затем медленно и молча – меня слишком веселило то, с какой надеждой она смотрела на меня, несмотря на мое полное безразличие – сделал еще один глоток скотча.

– Если мы узнаем, что он... – Джо замолчала.

– Оставил тебя без гроша? – закончил за нее я.

– Отдай мне особняк. – Слова прозвучали резко, потому что – сюрприз! – она перестала притворяться любящей и заботливой. – Я больше ничего не прошу.

От ее взгляда – как у ребенка, которому, несмотря на уговоры, отказались дать любимую игрушку – я еле удержался от смеха.

– Прости, Джо. Но у меня есть на него свои планы.

– Планы? – воскликнула она, демонстрируя свои отбеленные зубы. – Это мой дом. А ты в последние десять лет даже не живешь в Тодос-Сантосе.

– Я и не собираюсь там жить, – ответил я, слегка ослабив галстук. – Я собираюсь сжечь его дотла.

Ее голубые глаза вспыхнули, а губы поджались.

– Значит, если твой отец ничего мне не оставит, ты тоже не дашь мне ничего? Даже вещи из особняка?

– Даже вазу с фруктами, стоящую на кухонном столе. И без фруктов тоже, – кивнув, подтвердил я. – Нам следует встречаться чаще, Джо. Общаться. Обедать. Пить хорошее вино. Я сегодня хорошо повеселился.

В этот момент, как я попросил заранее, к столу подошла официантка. На моем лице появилась улыбка, которая в этот раз – единственный чертов раз – действительно отразилась в моих глазах. Я вытащил бумажник из внутреннего кармана пиджака и протянул ей черную карту «Америкэн Экспресс». Не мешкая, девушка забрала ее и скрылась за черной дверью в конце оживленного зала.

– Но мы пока не знаем, что написано в завещании. – Джо медленно покачала головой, пронзая меня взглядом. – Пусть не ждет милосердия тот, кто и сам не проявлял его.

Теперь она Библию цитирует.

Отлично! Вот только она позабыла, что там еще говорилось: «Не убий».

– Это звучит как вызов. Но ты же знаешь, Джо, что я слегка глуповат для подобного.

Подмигнув, я вновь дернул за воротник рубашки. Как же достал этот костюм. Мне хотелось поскорее избавиться от него, как и от этого дерьмового дня. Но это никак не отразилось на моем довольном лице.

– Скажи, Байрон, стоит ли мне поискать юриста?

Она наклонилась вперед и поставила локти на стол. Локти на чертовом столе? В детстве Джозефина отшлепала бы меня, вздумай я пренебречь правилами этикета. А ее братец добавил бы потом пару ударов ремнем в библиотеке.

Поджав губы, я похрустел шеей с таким видом, будто обдумывал ее слова. У меня-то уже давно был юрист. Самый мерзкий из ублюдков, когда-либо изучавших право. Я сам. Я мог казаться равнодушным, бессердечным и бесчувственным, но мачеха прекрасно знала, что у меня мало нашлось бы конкурентов в профессионализме.

К тому же я поговорил с Эли Купером. И он согласился представлять мои интересы в том случае, если отец действительно что-то оставит ей и мне придется оспаривать его волю. Я хотел, чтобы она осталась без гроша в кармане. И дело было не в деньгах. А в справедливости.

Официантка вернулась с моей кредитной карточкой. Я оставил ей чаевые в размере суммы чека, а затем поднялся, оставляя мачеху за столом с ее недоеденным блюдом. Моя же тарелка оказалась чиста. Как и совесть.

– Конечно же, ты можешь поискать юриста, мамочка, – сказал я, натягивая на плечи кашемировое пальто. – Честно говоря, это лучшая идея из всех, что когда-либо приходила в твою голову.

Глава шестая

Эмилия

Десять лет назад

– Ты точно не хочешь вернуться на вечеринку? – спросила я у Дина между останавливающими дыхание поцелуями.

Он уткнулся носом в мою ключицу и прижался к коже припухшими за последние полчаса губами. Мы целовались до тех пор, пока во рту не пересохло, а губы не онемели. Мне нравились его поцелуи. Он явно умел целоваться. Немного слюняво, но в целом неплохо. К тому же мы еще пока выясняли, что именно нам нравится. Так что со временем все могло стать еще лучше. Я не сомневалась в этом.

– Вечеринку? Какую вечеринку? – Дин потер затылок и нахмурил брови. – Прекрати это дерьмо, Милли. Я даже не замечал, что там творилось. Потому что обдумывал, как проведу время с девушкой, которая по вкусу напоминает мороженое и рисует как Пикассо, – хриплым и осипшим голосом сказал он.

Я не стала придирааться к его сравнению с Пикассо, потому что рисовала совершенно в другом стиле, но комплимент оценила. Кажется. Ладно, это меня немного задело. Потому что я не сомневалась: Дин не помнит ни одной картины Пикассо.

Господи, да что со мной творилось?

Мне очень нравился Дин. Красивый парень с каштановыми волосами и зелеными глазами. Я провела рукой по его выпирающим трицепсам, едва не застонав от желания при мысли о том, какое удовольствие смогут доставить мне эти руки,

если – и когда – мы решим продвинуться дальше поцелуев.

Я знала все о Четырех Хулиганах, а он был одним из них. Поэтому не сомневалась, что вскоре Дин предложит заняться сексом.

И я собиралась согласиться.

Я с радостью вручила бы ему свою девственность, если бы не ноющее чувство, говорящее, что все это очередная жестокая шутка Вишеса. Но неужели Дин настолько гнусный, что стал бы звать меня на свидания, чтобы потом поиздеваться надо мной? Нет, он казался искренним. Писал мне милые сообщения. Приносил кофе по утрам в школу. Звонил перед сном. И сладко целовал.

Когда он впервые пригласил меня на свидание несколько месяцев назад, я вежливо отказалась. Но он не отставал. Каждый день в течение нескольких недель он появлялся у моего шкафчика, или велосипеда, или у квартиры, в которой мы жили с родителями и сестрой на территории поместья. Он неумолимо стремился добиться своей цели, но в то же время оставался добрым и милым. Пообещал, что не станет приставать ко мне, пока я сама этого не захочу. Сказал, что я не должна судить его, принимая во внимание лишь его репутацию. И что у него есть двадцатипятисантиметровый член, вот только это ни о чем не говорило мне как девственнице. Да и вообще за последнюю фразу следовало ударить его по руке.

Но я ни с кем не встречалась, а Дин казался мне симпатичным и милым. Да и быть с кем-то рядом лучше, чем проводить время в одиночестве.

Но иногда сомнения все же закрадывались в мои мысли. Беспутные Хулиганы заработали не самую лучшую славу. К тому же я так и не разобралась с чувствами к его хорошему другу. Конечно, большинство из них были негативными, но это мало что меняло.

Словно почувствовав, что я вновь выстраивала стену между нами, Дин склонился надо мной и прижался губами к моему виску.

– Ты мне действительно нравишься, Милли.

Мы лежали на моей узкой односпальной кровати.

– И ты мне нравишься. – Я вздохнула и погладила его щеку большим пальцем.

Я говорила чистую правду. Он пробуждал во мне лишь приятные чувства. И безопасные. Но не взрывные. Дин не сводил меня с ума и не побуждал совершать иррациональные, нелогичные поступки.

И это к лучшему. На мой взгляд.

– Но все твои друзья там. Уверена, ты хочешь пообщаться с ними. – Я слегка пихнула его локтем. – Нет необходимости выбирать между мной и вечеринками.

Вот только это было не совсем так. И мы оба это знали.

– Я бы предпочел остаться здесь, с тобой, – сказал Дин, переплетая наши пальцы.

С минуту мы молча смотрели на наши руки, обдумывая следующий шаг. А атмосфера между нами стала напряженной, давя на грудь и мешая набрать воздуха в легкие.

– Давай я пойду с тобой. – Я выдавила улыбку.

Мне не нравились вечеринки у Вишеса, но ради Дина я готова была туда отправиться. Хотя никто из присутствующих там не хотел меня видеть.

Ученики в школе все еще считали меня неисправимой деревенщиной. Но хотя бы перестали травить меня. Как только все узнали, что я начала встречаться с Дином Коулом, никто больше не осмеливался вскрыть мой шкафчик или бормотать оскорбления мне вслед. Если честно, по большей части именно поэтому мне так нравилось проводить время со своим новым бойфрендом.

С ним моя жизнь становилась легче. Лучше. Безопаснее. Но не надо воображать, что я пользовалась им. Я заботилась о нем. Помогала ему с домашними заданиями, оставляла стикеры на шкафчике с пожеланием удачи перед футбольными матчами осенью и улыбалась как идиотка, когда видела его в

коридоре зимой.

– Ты сделаешь это ради меня, детка? – На его лице появилась небольшая улыбка. – Всегда знал, что ты великолепна.

Наверное, из четверых Хулиганов Дин проще всех относился к жизни. Зато с энтузиазмом хватался за любую идею. В том числе и за наши отношения. Поэтому я не удивилась, когда он тут же вскочил на ноги и протянул мне руку.

– А теперь поторапливайся. Я умираю от желания выпить пива и покурить.

Я натянула на лицо слабую улыбку, поправляя волосы у небольшого зеркала. Мне нравилась моя слегка растрепанная прическа, но как бы я ни внушала себе обратное, еще меня заботило, что подумают обо мне люди. Мне хотелось им понравиться.

Как только я добавила к своему наряду – кремовому оверсайз-свитеру длиной до талии и спадавшему с одного плеча и обрезанным джинсовым шортам – черные кеды с розовыми цветами, Дин притянул меня к себе и вновь страстно поцеловал.

– Вперед, – сказала я через несколько секунд, отстранившись и вытерев губы от нашей слюны.

Но Дин продолжал смотреть на меня, нахмутив брови.

– Я ценю, что ты стараешься сделать меня счастливым. В какой бы город ты ни решила отправиться в следующем году, мы поедем туда вместе. Поняла?

Он смотрел на меня как на солнце, появляющееся из-за горизонта.

Это очень приятно.

И так мило.

Я позволила себе насладиться его чувствами, хотя и не отвечала на них в той же мере.

– Да, мой пещерный человек. Поняла.

Я закатила глаза, но улыбнулась. А Дин снова поцеловал меня.

И так безопасно.

Он слегка шлепнул меня по попе.

– Отлично. Пошли повеселимся.

Я чувствовала себя счастливой рядом с ним. И действительно наслаждалась нашими отношениями.

Из динамиков доносилась песня «Last Night» группы The Strokes, пока мы пробирались сквозь пьяную толпу. Люди болтали, танцевали и целовались по углам гостиной Вишеса, словно считали себя хозяевами этого места. Когда родители только начали работать здесь, я не могла понять, как отец и мачеха разрешали Вишесу устраивать эти дикие вечеринки каждые выходные. Но оказалось, их это совершенно не заботило. Ни вечеринки, ни даже их сын.

Барон-старший и его супруга Джо никогда не появлялись в поместье, особенно в выходные. Кажется, большую часть времени Вишес был предоставлен самому себе. Я прожила здесь уже четыре месяца, но могла по пальцам одной руки пересчитать, сколько раз видела его отца.

А чтобы посчитать, сколько раз он общался со своей мачехой, не понадобилось бы ни одного.

И это вызывало у меня тоску.

Но точно такие же чувства вызывала у Вишеса моя жизнь.

Несколько минут мы с Дином провели на кухне, пока он отвечал на приветствия пяти или шести человек. После этого он жестом пригласил меня подняться наверх. Я послушно последовала за ним, большей частью потому, что чувствовала себя не в своей тарелке на кухне, где работала мама. К тому же среди тусующихся на первом этаже не оказалось Розы. И я надеялась, что смогу отыскать ее где-нибудь наверху. А если мне повезет, то она окажется не в какой-нибудь из спален в обнимку с каким-нибудь парнем. Нет, я не считала это проблемой – и определенно не впервые застала бы ее целующейся с едва знакомым молодым человеком, – но это всегда пробуждало во мне желание защитить ее, как разъяренный хищник защищает своего детеныша.

Как только мы поднялись наверх, Дин направился в игровую комнату, а я остановилась у двери, пытаясь разглядеть на лестничной площадке или в одном из коридоров младшую сестру.

По правде говоря, я не столько искала ее, сколько оттягивала момент встречи с Хулиганами. Сказать, что я не нравилась им, равноценно утверждению, будто Тихий океан размером с лужу.

Они просто ненавидели меня, но я не понимала почему.

– Джейми, дружище! – подходя к своим друзьям, воскликнул Дин и хлопнул парня по спине.

Они стояли со стаканчиками пива в руках и, судя по всему, болтали о спорте. А я так и замерла в коридоре вместе с теми, кого не допускали в их круг. Мне не хотелось заходить в игровую, чтобы не давать Вишесу возможность как-нибудь оскорбить меня.

Через несколько минут Дин резко повернул голову в сторону двери и заметил, что я все так же стояла снаружи. Если честно, меня это совершенно не заботило. Мы мило болтали с Мэдисон, которая, как и я, ездила каждый день в школу на велосипеде. Вот только она это делала, чтобы стать стройнее и подтянутее, а я из-за бедности и отсутствия машины.

– Детка, ты чего там застряла? – помахав мне рукой, позвал Дин, а затем громко рыгнул. – Тащи сюда свою прекрасную задницу, пока я ее не покусал.

Мэдисон замолкла и уставилась на меня так, словно меня пригласили на сцену для вручения Нобелевской премии, вызывая во мне негативные чувства.

Я покачала головой.

– Мне и тут хорошо. Спасибо. – Я улыбнулась и сделала глоток воды из бутылки, жалея, что не могу провалиться сквозь землю.

Мне так не хотелось привлекать внимание Вишеса.

– Что за шлюшку ты сюда притащил? – проворчал Трент – красивый, очаровательный Трент Рексрот, который вел себя очень мило со всеми, кроме меня. Но стоило ему поднять голову и понять, кто стоит перед ним, как на его лице отразился полнейший шок. – Господи, Коул. Ты такой идиот.

Почему это Дин идиот?

Заметив меня, Джейми ущипнул себя за переносицу и злобно уставился на Дина.

– Не мог держать ее подальше отсюда, а? Придурок.

Парни расступились в стороны, и я мельком увидела Вишеса, который стоял, прислонившись бедром к столу, рядом с незнакомой мне красивой девушкой. От того, насколько близко они стояли друг к другу, у меня заныло в груди. Но при этом он не прикасался к ней и даже не смотрел в ее сторону.

На самом деле он смотрел прямо на меня. И это не удивляло.

– Черт побери, это моя девушка, чувак, – повернувшись к Тренту и проигнорировав Джейми, пробормотал Дин. – Засунь свой язык в жопу, если не хочешь испортить свое хорошенькое личико.

Он повернулся и, пошатываясь, направился ко мне с одной из своих фирменных улыбок, от которых трусики можно было выжимать. Но его глаза уже едва виднелись из-под полуопущенных век из-за алкоголя и дури.

– Пожалуйста, Милли.

Сложив руки вместе, словно в молитве, он театрально опустился на колени и прополз на них остаток пути до двери. От улыбки на его щеках показались ямочки, а вот меня сковало смущение.

Я покраснела как помидор и прикрыла руками лицо. Но все же смогла натянуть фальшивую улыбку, от которой даже заболели щеки.

– Дин, – зажмурившись, простонала я. – Пожалуйста, встань.

– А минут двадцать назад ты говорила совсем другое, детка. Кажется, что-то вроде: «Боже, Дин, он когда-нибудь опустится?»

Он громко рассмеялся. А мне расхотелось улыбаться.

И когда я убрала руки от лица, его веселье тоже пропало. За его спиной Вишес сверлил меня убийственным взглядом и скрипел сжатыми челюстями в такт с моим сердцебиением.

Тик-так. Тик-так.

Он поджал свои губы так, что их не стало видно. А затем шагнул ко мне, вызывая невольную дрожь. За несколько секунд преодолев половину игровой комнаты, он сжал воротник Дина и поднял его на ноги. Удивившись, Дин резко развернулся к нему. Вишес тут же буквально впечатал его спиной в ближайшую стену, стискивая в кулаке воротник его дизайнерской белой футболки с округлым вырезом.

– Я же просил не приводить ее сюда, – злобно прорычал он, едва шевеля губами.

От этой сцены сердце пустилось вскачь.

– Какого хера ты творишь? – отталкивая друга, воскликнул Дин и угрожающе шагнул к нему.

Они так долго смотрели друг на друга, что, казалось, вот-вот начнется драка. Но Джейми и Трент не допустили этого. Трент потащил Дина к двери, а Джейми

потянул Вишеса в глубь комнаты.

– Хватит! – крикнул Трент обоим.

Джейми сжал руки друга за спиной, но ярость продолжала заполнять комнату, словно удушливый газ.

– Жду тебя на теннисном корте. – Кипя от злости, Вишес вырвался из рук Джейми и ткнул пальцем в сторону Дина. – И не вздумай плакаться, когда я отымею тебя по полной, Коул.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

С английского языка прозвище главного героя «Vicious» можно перевести как «порочный», «злой», «бездущный».

2

Американский мультсериал про зануду и отличницу Дарью, которая живет в провинциальном американском городке.

3

Немезида – богиня возмездия в древнегреческой мифологии.

4

Муковисцидоз – наследственное заболевание, проявляющееся поражением желез внутренней секреции, а также тяжелыми нарушениями функций работы органов дыхания, пищеварительного тракта, а также потовых и половых желез.

5

Так в Америке называют выросших на юге леди, знающих правила хорошего тона и умеющих вести себя в обществе.

6

Онлайн-галерея художественного искусства, где художники представляют свои работы, чтобы их могли приобрести покупатели со всего мира.

7

Переговорное устройство внутренней связи.

Купить: https://tellnovel.com/shen_l-dzh/bezdushnyy

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)